

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

V

материалы

КОНВЕНТА

Российской ассоциации международных исследований

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО

Том 24

Теоретические проблемы
анализа международных отношений
и внешней политики

Москва, 2009

РАМИ

*mundum
cognoscendo*

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Мировая политика: взгляд из будущего

Материалы V Конвента РАМИ

Под общей редакцией ректора МГИМО (У) МИД России,
академика РАН А. В. Торкунова

Москва
МГИМО — Университет
2009

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Том 24

**Теоретические проблемы анализа
международных отношений
и внешней политики**

Редактор тома: Алексеева Т. А.
Отв. за выпуск: Судаков С. С.

Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Москва
МГИМО — Университет
2009

В настоящий сборник вошли доклады и выступления, сделанные на секции «Теоретические проблемы анализа современных международных отношений и внешней политики, проведенных в рамках V Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мировая политика: взгляд из будущего» (МГИМО, сентябрь 2008 г.). Проблемное ядро секции было составлено из комплекса исследовательских вопросов. Почему изменяются векторы ключевых тенденций мирового развития — демократизации и глобализации? Почему трансформируется идеологическое наполнение внешней политики ключевых игроков? Как изменились идеологические императивы внешней политики? Почему и как складывается новая конфигурация локальных и глобальных идентичностей? Какие риски связаны с новыми тенденциями развития, и какие методы наиболее адекватны для анализа рисков и сценарирования политической динамики?

Наконец, в чем состоят вызовы, с которыми сталкивается современная теория международных отношений? Почему конструктивистская теория МО так и не стала значимой альтернативой «большим» теориям — реализму и либерализму? Почему наблюдается растущий интерес к реалистической проблематике?

Именно эти вопросы задали тон дискуссий нашей секции и содержание предложенных докладов. Наша цель состояла в том, чтобы увидеть текущую политическую конъюнктуру в качестве элемента мозаики, образуемой дискурсами политических идеологий и нормативных теорий с одной стороны, и методов познания и узаконивания познавательных схем с другой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Т. А. Алексеева Идеологизация внешней политики: демократия и глобализм	11
Р. Э. Бараш Проблема «разделенных народов» в контексте изменений системы международных отношений	23
Н. Е. Григорьева Методы анализа и оценки политического риска в контексте принятия решений.....	35
П. А. Демидов Сценарирование в политической теории	45
Л. И. Закирова Политические риски в контексте мировой политики и международных отношений	51
А. А. Козко Идентичность в контексте глобализации и интеграции.....	59
С. А. Колобова Гражданское образование в мировой политике: перспективы развития с учетом гендерного фактора	63
К. П. Курылёв Политические основы мира в представлениях русских либералов начала XX века	69
И. Н. Тимофеев Вызовы конструктивистской теории международных отношений: политическая философия, эмпирические методы и новые реалии мировой политики	77
Об авторах	89

Предисловие

Настоящая секция — одна из базовых дискуссионных площадок РАМИ. Ее работа организуется Кафедрой политической теории с самого первого Конвента Ассоциации. За это время определился специфический круг обсуждаемых вопросов, сформировался своеобразный «клуб» участников, появились традиции и особая стилистика заседаний. Казалось бы, текущий исторический момент, с его турбулентностью, бифуркациями и тектоническими сдвигами в глобальной политике противоречит подобному постоянству. Кризис, ставший доминирующей темой многих публикаций, должен был существенно изменить повестку дня секции, которая складывалась на протяжении последних восьми лет. Однако мы не стали сводить нашу работу к обсуждению исключительно текущей конъюнктуры.

Следуя нашей традиции, мы попробовали встроить наиболее актуальные проблемы современных международных отношений в обсуждение вопросов нормативной политической теории, «больших трендов» глобальной динамики, а также — концептуальных новаций политической науки.

Проблемное ядро секции было составлено из комплекса исследовательских вопросов. Почему изменяются векторы ключевых тенденций мирового развития — демократизации и глобализации? Почему трансформируется идеологическое наполнение внешней политики ключевых игроков? Как изменились идеологические императивы внешней политики? Почему и как складывается новая конфигурация локальных и глобальных идентичностей? Какие риски связаны с новыми тенденциями развития, и какие методы наиболее адекватны для анализа рисков и сценарирования политической динамики? Наконец, в чем состоят вызовы, с которыми сталкивается современная теория международных отношений? Почему конструктивистская теория МО так и не стала значимой альтернативой «большим» теориям — реализму и либерализму? Почему наблюдается растущий интерес к реалистической проблематике?

Именно эти вопросы задали тон дискуссий нашей секции и содержание предложенных докладов. Наша цель состояла в том, чтобы увидеть текущую политическую конъюнктуру в качестве элемента мозаики, образуемой дискурсами политических идеологий и нормативных теорий с одной стороны, и методов познания и узаконивания познавательных схем с другой.

Обсуждение этих вопросов мы начинали далеко не с чистого листа. Основное русло дискуссии мы уже сформировали на предыдущих конвентах. В нашем активе —

обсуждение перспектив демократизации в духе «крестовых походов», анализ конкуренции магистральных теорий МО, изучение трансформаций ключевых понятий и концептов науки МО, обсуждение методологических новаций.

Мы остались верными и принципу набору участников секции. По сложившейся традиции — это дискуссия, в которой на равных выступают признанные ученые с мировым именем, молодые доценты и преподаватели, аспиранты, делающие первые шаги в своих научных исследованиях. В обеспечении подобной преемственности мы вкладываем столь же значимые усилия, сколь и в развитие направлений, обычно обсуждаемых на секции. Кроме того, как и на предыдущих конвентах РАМИ, на нашей секции выступили как московские ученые, так и эксперты из региональных исследовательских центров. Мы стремились к тому, чтобы каждый докладчик получил уникальную обратную связь. Именно поэтому среди докладчиков — представители разных университетов и научных школ.

Вместе с тем, наша встреча в рамках IV Конвента получила и свою изюминку. Заметно изменилась тональность докладов. Практически на каждое выступление, да и на само заседание в целом, наложился отпечаток растущей неопределенности ситуации в мире. Растет аморфность идеологических координат мировой политики, все более призрачными становятся грани идентичностей, буксуют еще вчера модные подходы и направления международных исследований. В этом же контексте неслучайно обращение целого ряда участников нашей секции к проблематике политических рисков. Уже нельзя позволить себе просто фиксировать то, что мы живем в обществе риска, а современное общество подобно неуправляемому «Джаггернауту» (Гидденс). Требуется адекватная времени и работающая методология оценки этих рисков на всех уровнях политической теории — начиная с теорий среднего уровня, и заканчивая фундаментальными разработками: не сговариваясь, участники встречи во многом задали тональность секции будущего Конвента 2010 г.

Наш сборник докладов открывается статьей председателя секции профессора Т. А. Алексеевой «Идеологизация внешней политики: демократия и глобализм». В фокусе внимания статьи — симптомы превращения демократии в самостоятельную идеологию. Т. А. Алексеева открывает секцию провокативным тезисом: подразумевая плюрализм идей и мнений, демократия сама превращается в идеологический конструктор, все в большей степени выступая инструментом внешней политики и деления стран на «свои» и «чужие». Иными словами, принцип, постулирующий альтернативность, сам по себе становится безальтернативным. С этим тезисом увязывается и авторский анализ глобализации и глобализма как своего рода «светлого будущего всего человечества». Признаком эволюции демократии и глобализации в сторону идеологий выступает формирование устойчивых концептуальных связей — нарботанных понятий, интерпретаций, концептуальных схем и цепочек, во многом носящих неоспариваемый характер — именно неоспариваемость отличает идеологию от политической философии.

Данные процессы ставят под сомнение имеющиеся классификации политических идеологий и вынуждают искать новые подходы к изучению их спектра. Альтернатива — признание демократии как совокупности идеологических интерпретаций, что предполагает множественность моделей демократии, определяемых политическими традициями, культурой, фрагментами различных идеологий. А значит — реализацию

фундаментального принципа демократии — терпимости и толерантности к альтернативным интерпретациям понятий и идей.

Итак, дальнейшее развитие демократии может быть конструктивным в том случае, если за этим принципом политического устройства признается возможность разнообразия форм и моделей — политическая реальность слишком сложна для того, чтобы быть уместной в «линейно» определенные рамки. Это иллюстративно прослеживается в докладе Р.Э. Бараш «Проблема разделенных народов в контексте изменения системы МО». В докладе показано, как идея воссоединения разделенных этносов в рамках единого государства, будучи в конце XIX легитимированной либерально-демократическими ценностями (политическое оформление нации в государстве) впоследствии трансформировалось в инструмент легитимации экспансионизма во внешней политике (канун Второй мировой войны). В период «холодной войны» сюжет воссоединения народов шел рука об руку с конкуренцией супердержав за сферы влияния, а после ее окончания использовался западными державами (в авторской трактовке — международным сообществом) для контролируемого разрушения многосоставных государств (случай Югославии).

Доклад А. А. Козко «Идентичность к контексте глобализации и интеграции» на примере Италии показывает трансформации государственной идентичности под влиянием глобализационных процессов с одной стороны и интеграционных (в рамках ЕС) с другой. Под влиянием глобализации государственная идентичность в известной степени размывается. В незападных государствах она еще и «перелицовывает» систему ценностей, адаптируя ее к западным инвариантам. В случае стран ЕС таким инвариантом выступает система европейских ценностей, христианского этоса. Однако пример Италии показывает сохраняющийся интерес к национальным ценностям и культуре, а значит ни глобализацию, ни евроинтеграцию нельзя рассматривать как «каток, который все выровняет».

Глобализационные сюжеты обыгрываются и в докладе С. А. Колобовой «Гражданское образование в мировой политике: перспективы развития с учетом гендерного фактора». Анализируются перспективы так называемого «гендерного просвещения» как условия устойчивого развития и снижения остроты ряда дисбалансов глобального развития.

Доклад К. П. Курылева акцентируется на специфической интерпретации проблем мирового развития в воззрениях русских либералов начала XX в. Основной вывод автора достаточно нетривиален: русские либералы, по сути, демонстрировали во многом сходные предпочтения внешнеполитического курса России. Подобный курс базируется на допущении широкого вмешательства в глобальную игру великих держав. Иными словами, либеральные воззрения касательно внутренней политики тесно коррелируют с империалистическими касательно политики внешней.

Целый комплекс материалов секции был связан с проблематикой оценки политических рисков и сценарирования будущего. Серия открывается докладом Н. Е. Григорьевой «Методы анализа и оценки политического риска в контексте принятия решений». Автор демонстрирует возможности, которые дает изучение политического риска в управлении конфликтами, снижении неопределенности и сообщения стабильности политическим процессам и системам.

Исследование Л. И. Закировой «Политические риски в контексте мировой политики и международных отношений» определяет черты, присущие политическим

рискам в условиях современности. Среди них — неочевидность природы многих рисков, отложенный характер ряда угроз, растущая вероятность экспертных оценок.

Материал П. А. Демидова «Сценарирование в политической теории» сконцентрирован на изучении сценарной методологии. Рассматривается история применения метода, специфика его применения, основные направления исследований.

Завершающим докладом секции выступила статья И. Н. Тимофеева «Вызовы конструктивистской теории МО: политическая философия, эмпирические методы и новые реалии мировой политики». В центре доклада вопрос о том, почему конструктивистский подход, несмотря на свою популярность, так и не смог превратиться в полноценную альтернативу базовым теориям МО — реализму и либерализму. В работе дается три ответа на этот вопрос. Первый — базируясь на социологической традиции, конструктивизм не смог нащупать и опереться на сколько-нибудь значимую политико-философскую традицию, дающей ответы на вопрос о том, какой должна быть международная политика. Отсутствие такой нормативной базы лишила конструктивизм уникальной «миссии», которая делала бы обращение к социологии осмысленным. Второй ответ — пытаюсь найти корни в социологической теории, конструктивизм, парадоксальным образом, не воспользовался ее эмпирическим инструментарием. Обратную картину можно наблюдать в отношении эмпирической верификации реалистических и либеральных тезисов. Третий ответ — повестка дня, давшая импульс появлению конструктивизма, постепенно уходит в прошлое. Конструктивистов интересовало влияние международных норм на поведение конкретного государства. Однако сегодня сами международные нормы становятся все менее четкими, а роль политики силы и потенциала мощи, наоборот, становится все более выпуклой, вновь поднимая вопрос о степени анархии в международной системе.

Итак, заседание секции «Теоретические проблемы анализа МО и ВП» 2008 г. очерчивает достаточно широкий набор проблемных ситуаций, объединенных, вместе с тем, попыткой понять их сквозь призму актуальных идеологических, нормативных и парадигмальных установок. Дискуссия вокруг этих проблем остается открытой и ждет своего продолжения в 2010 г. на следующем Конвенте РАМИ.

Т. А. Алексеева, И. Н. Тимофеев

Идеологизация внешней политики: демократия и глобализм

Т. А. Алексеева

Шесть лет назад, в 2002 году президент США Джордж Буш представил Национальную стратегию безопасности, в которой ясно и недвусмысленно говорилось о том, что Соединенные Штаты «будут активно работать для того, чтобы принести надежду на демократию... во все уголки мира»¹. Стимулом к такого рода программе во многом стала атака террористов 11 сентября 2001 года, ибо до этого Буш, еще будучи кандидатом в президенты, представил крайне скромную внешнеполитическую программу, весьма далекую от миссии продвижения свободы по всему миру. Но уже инаугурационной речи 20 января 2005 году он уже употребил слово «свобода» 25 раз, «свободы» 12 раз, и «демократия» и «демократический» 3 раза². По данным исследования Германского фонда Маршалла 2007 года подавляющее большинство европейцев — 71 % полагают, что Европейский Союз также должен поддерживать демократию в других странах³.

Буш был не первым и, очевидно, не последним из длинного списка лидеров, которые призывали к распространению и утверждению демократии, в том числе, и «огнем и мечом». Тем не менее, результаты оказались более чем скромными и теперь уже очевидно, что к окончанию президентского срока Джорджа Буша отнюдь не привели к торжеству свободы в большей части мира. Более того, самые амбициозные проекты — Афганистан и Ирак, весьма далеки от демократического идеала. В качестве наибольших успехов обычно называли Украину и Грузию — оба примера, как минимум, вызывают множество вопросов, особенно после событий августа 2008 года в Южной Осетии.

Тем не менее, в американской и европейской политико-дипломатической элите, немало и скептиков, ратующих за возврат к «реализму» и возвращению к более

---

¹ Цит. по: Foreign Policy. May–June. 2008. P. 88.

² Fukuyama, Francis and Michael McFaul. Should Democracy Be Promoted or Demoted? // The Washington Quarterly. Vol.31. No. 1. Winter 2007–2008. P. 23.

³ Ibid. P. 24.

традиционным целям политики национальной безопасности. С этой точки зрения, демократия должна занять место где-то в эшелоне, «за спиной» таких более традиционных стратегических целей как обеспечение доступа к энергетическим ресурсам, создания военных союзов, борьбы с терроризмом, и, наконец, поддержки внутригосударственной стабильности.

Язык демократии, как известно, недемократичен. В формуле «Мы, народ...» голос отдельного скептика не слышен. Но не становимся ли мы свидетелями того, что и методы утверждения (внедрения, установления, распространения и т.д.) демократии также весьма далеки от демократичности. Политологи на международных конференциях уже открыто заговорили о возможности «принуждения к демократии», о том, что демократия неоднократно становилось «побочным плодом» каких-то других процессов преобразований, что народ редко сам хочет демократии, поэтому его следует демократии «обучать», если не принуждать, и т.д. Не будем уже говорить о том, что демократия стала в последнее время критерием разделения на «правильные» и «неправильные» государства на международной арене. Соответственно, по отношению к последним возможны и всевозможные санкции, и, в нарушении основ международного права, превентивные акции, вплоть до введения войск и свержения «неправильных автократов».

Во избежание возможных ярлыков со стороны ортодоксов разных мастей, признаюсь сразу же, что трепетно и с большим уважением отношусь к демократическим ценностям, искренне верю, что этот, по-видимому, наилучший политический режим. Возможно, поэтому, некоторые тенденции в современной демократии на международной арене меня как минимум настораживают и вынуждают поставить ряд, возможно, не вполне политкорректных вопросов.

* * *

У нашей цивилизации есть неустранимая потребность иллюзии предпочитать действительности, отрицая при этом собственные ощущения и наблюдения. Разум — тонкая система, легко соскальзывающая в идеологию, причем это относится к самым разным явлениям и процессам. Не стала исключением и демократия.

Проблема заключается в том, что демократия не просто становится инструментом внешней политики, но она сама приобретает черты самостоятельной идеологии. Это происходит на фоне нескольких весьма важных процессов. С одной стороны, речь идет о разрушении традиционных идеологий под влиянием постмодернизма, когда за старыми понятиями более уже не скрываются те явления, которые ими всегда обозначались, а на свет выходят их муляжи, имитации, идеологические «симулякры»; с другой, — «старые» идеологии претерпевают кризис, который они пытаются преодолеть с помощью взаимоналожения основных идей, сближения кластеров, превращения в знаки, символы, ярлыки и т.д. В этом контексте и происходит выделение отдельных идеологем и приобретение ими самостоятельного статуса. Это признается сегодня уже целым рядом исследователей. «...Фашизм, Нацизм, Коммунизм, Монархизм, Социализм, Демократия и Капитализм, — пишет, например, Джон Ролстон Сол в своей знаменитой книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе», — как и другие идеологии (курсив мой — А. Т.), повели свои интеллектуальные, военные и экономические армии в бой за овладение Западом. И не только Западом, но и всем миром. (...)

После почти века ожесточенной всеобщей борьбы, воцарились Капитализм и Демократия с примесью Социализма⁴. Нас в данном случае интересует не столько то, какие именно идеологии утвердились на рубеже тысячелетий (в конце концов, об это уже все что можно сказали Фрэнсис Фукуяма, а также его эпигоны и критики), сколько сам факт причисления демократии к идеологиям. Тем более, что тот же Сол все же подверг принадлежность социализма и капитализма к идеологиям сомнению, рассматривая их скорее в качестве практических методологий распределения собственности и доходов, взаимоисключающий словарь которых содержит «больше общих, чем различных понятий»⁵. Что же касается демократии как идеологического конструкта, то она у него никаких сомнений не вызвала. Это тем более интересно, поскольку сейчас на Западе сам термин «идеология» не вполне политкорректен и, как правило, выступает под различными эвфемизмами.

Сказанное, так или иначе заставляет нас обратиться к проблеме определения идеологии и идеологической семьи. Специалисты в области политической философии и политологии уже немало копий сломали вокруг проблем границ идеологий, идеологических зависимостей, исторической преемственности и неизбежного концептуального взаимоналожения двух и более идеологий, равно как и методологических различий между ними. Не меньшую проблему составляет и различие идеологических кластеров и полноценных идеологий. Разные авторы — от Альтюссера и Грамши до Терри Иглтона или Карла Маркса дают разные интерпретации проблемы, поскольку единого общепризнанного определения идеологии, как известно, не существует, равно как и критериев определения идеологии. «Идеология, — пишет, например, российский исследователь Виталий Аверьянов, — это, в первую очередь, понятийная система, то есть категории, доведенные у носителей идеологии до мгновенного восприятия, встроенные в их программу и подчиненные как далеким, так и близким целям. Недостатком любой идеологии является этот «автоматизм» понятий, их «инструментальность». Идеология — это если не сразу мертвый, то умирающий язык. Сегодня идеологии — это набор карт, вовлеченных в более или менее изощренную игру, вступающих в более или менее сложные комбинации»⁶.

Между тем, многие современные исследователи идеологий уже признают в качестве такой новой идеологии «глобализацию». Отнесение ее числу самостоятельных идеологий может быть узаконено с помощью методологии, предложенной таким известным исследователем идеологий как английский политический философ Майкл Фридэн. Однако его методология вполне успешно может быть также использована и при обосновании демократии как новой идеологии.

Рассуждая о смещениях идеологических границ, известный английский политический философ Майкл Фридэн писал, что «нынешняя фрагментация установившихся идеологий и возрожденная неуверенность относительно существования идеологий вообще» высветили трудности, связанные с пониманием изменяющейся морфологии систем политических убеждений. Фридэн предложил два направления исследований:

⁴ Сол, Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. Москва: Астрель. 2006. С. 27.

⁵ Там же, С. 29.

⁶ Аверьянов, Виталий. Природа русской экспансии — http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/averyanov_01.htm

во-первых, это осмысление вопроса об «имплицитном холизме в понятии идеологической семьи»; и, во-вторых, о пересмотре доминирующего согласия относительно классификации и категоризации идеологий, выяснении проблемы степени конституирования ими полезных кластеров⁷. По первому направлению Фриден кратко рассмотрел возможность интерпретации глобализма как «идеологического соперника», однако выразил скептицизм по этому поводу, считая, что пока еще слишком рано придавать глобализму статус идеологии. По второму вопросу он предложил мысленные эксперименты с целью выявления организующего стержня, в соответствии с которым идеологии могут быть реклассифицированы. В качестве кандидатов на роль такого стержня он назвал гордость, страх, стадность, удовлетворенность, уязвимость, неповиновение, и самоуничужение. Очевидно, что в таком ряду глобализм как совершенно самостоятельное и вполне сформировавшееся явление попросту теряется. Тем не менее, обратим внимание на то, что английский мыслитель настаивает на необходимости периодической реклассификации идеологий, что, собственно, помимо всего прочего и отличает их от религий, ибо они всегда продукт — конкретного исторического времени и политических обстоятельств. А это предполагает потребность в отслеживании идеологических трансформаций, в готовности ученых переосмысливать, ревизовать и заменять устаревшие концептуальные морфологии, которые более уже не способны улавливать динамику реально существующих систем политических убеждений.

И, наконец, вывод Фридена: глобализация — не идеология, а «ряд процессов, объединенных под одним довольно громоздким термином⁸». Безусловно, термин «глобализация» описывает целый ряд разнообразных феноменов, и одновременно означает процессы, условия, систему, силу, и период. Понятно, что такое разнообразие смыслов неизбежно создает замешательство или приводит к кругообразным определениям с низким объяснительным потенциалом. Однако, глобализм не просто представляет собой совокупность политических идей и убеждений, достаточно взаимосвязанных для того, чтобы претендовать на статус новой идеологии, но также составляет доминирующую систему убеждений нашего времени, вынуждающих все «вызовы» как минимум самоопределиться по отношению к ней.

Здесь важно отметить также, что в 1980–1990-е гг. прошлого века в связи с распадом СССР, глобализация как процесс заметно изменила свое содержание. Если раньше она сплошь и рядом употреблялась как синоним «развития», то отныне нетвердо связанные властные элиты глобального «Севера» во все большей степени начали предпринимать усилия по навязыванию мировой общественности своей собственной модели глобализации⁹. Стремясь установить новый мировой порядок,

⁷ Frieden, Michael. Editorial: Ideological Boundaries and Ideological Systems || Journal Of Political Ideologies. 2003. Vol.8. No. 1. P. 3–4.

⁸ Ibid. P. 5.

⁹ Эти властные элиты составляют менеджеры корпораций, служащие ТНК, лоббисты, верхушка военно-промышленных комплексов, наиболее видные журналисты и специалисты по ПРУ, интеллектуалы, государственная бюрократия и влиятельные политики. Сомнительно, чтобы они представляли собой тесно связанный между собой «транснациональный капиталистический класс» (в марксистской терминологии). Скорее это довольно гетерогенный, свободно фланирующий и часто противоречивый глобальный альянс политических и экономических сил, имеющих международные интересы.

опирающийся на их собственные представления, убеждения и ценности, «глобалисты» сконструировали и начали активно распространять нарративы и имиджи, которые ассоциировали процесс глобализации с неоправданно расширенным понятием «свободного рынка». Таким образом, основная концепция глобализации была дополнена еще одной — глобализмом, привнесшим в нее нормы и ценности потребительской идентичности.

Напомним, что идеология глобализма является одной из главных составляющих современного либерального сознания, хотя во многом и вышла сегодня уже в автономное плавание. Как правило, он предполагает, что разделение человечества на народы и цивилизации — феномен, якобы присущий примитивному периоду человеческой истории и, поэтому, неадекватный сегодняшнему миру. Чем дальше цивилизация продвигается вперед и, прежде всего, ее авангард — Запад, тем в большей степени различия между нациями и цивилизациями стираются в направлении общепланетарного языка, культуры, образа жизни, существенной частью которого становится консьюмеризм. Иными словами, глобализм — это принцип подхода в теории и политике к формированию и развитию мира как целостной социокультурной, экономической и политической целостности, суперсистемы, все элементы которой — страны, народы и т.д., находятся в теснейшей взаимозависимости. Иными словами, глобализм, если можно применить здесь аналогию, есть «светлое будущее всего человечества».

К середине 1990-х гг. отнюдь неравные части населения «Севера» и «Юга» приняли основные постулаты глобализма, а именно: дерегулирование рынков, либерализацию торговли, приватизацию государственных предприятий, а также широкое распространение т. наз американских ценностей и, наконец, после 11 сентября 2001 года — поддержку глобальной войны против терроризма, возглавляемую США.

Представляя собой то, что Зигмунд Бауман и Пьер Бурдьё обозначали как «сильный дискурс», глобализм оказался весьма влиятельным хотя бы потому, что в целом опирается на «здравый смысл», то есть на широко распространенное убеждение в том, что предписывающая программа глобализма в конечном счете вытекает из объективной картины реального мира¹⁰. Однако процесс этот обоюдоострый: постоянное повторение, публичное цитирование и другие варианты глобалистских «перформансов» и их базовых идеологических клише также оказывают влияние на реальность. «Главным достижением глобализации является то, что она постулируется не столько своей реальностью, сколько убежденностью в том, что она есть, то есть глобализация — не только процесс десуверенизации и последующего «сочленения» различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противовес процессам дифференциации человечества (М. Чешков), но и «осмысление и признание этой слитности» (Богатуров А. Д., Виноградов А. В.). А это и есть идеология в чистом виде. К тому же степень универсальности этой идеологии крайне высока — ее ценности мгновенно интегрируются в уже подготовленное общество», — признает, хотя и опирается на другие критерии идеологии, российский исследователь Алексей Чесноков¹¹.

¹⁰ Cm. Z. Bauman. In Search of Politics. Stanford: Stanford University Press. 1999. P. 28–29; Bourdieu P. Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market. NY: the New York Press. 1998. P. 95.

¹¹ Чесноков, Алексей. Роль идеологии в условиях глобализации. // Космополис. Зима 2006–2007. С. 152–161.

Для целей нашего дальнейшего разговора весьма важным оказывается указание Майкла Фридэна о том, что созревшие, полноценные идеологии обладают уникальными чертами, выраженными во вполне определенной концептуальной морфологии. Политические концепции, согласно Фридэну, образуют то, что он называет «идеологиями», целостные системы идей, создающих основание для объяснения и критики политической жизни. Это основные строительные блоки нашего мышления о политике. Из этих строительных блоков — концепций свободы, равенства, справедливости, власти, авторитета и т.д., связанных между собой определенным образом, и образуются все современные политические идеологии. Таким образом, либерализм, социализм, консерватизм и т.д. — это идеологии, составленные из взаимосвязанных интерпретаций политических концепций. Так, например, либерализм создает систему концепций вокруг определенной интерпретации концепции свободы и соответствующим ей пониманием равенства и справедливости, поддерживая определенное либеральное понимание авторитета и демократии. Иными словами, всякая идеология предполагает наличие «устойчивых концептуальных связей», или иначе, «идеологических цепочек», когда, например, определенный тип интерпретации свободы ведет за собой определенный вариант понимания равенства и т.д.¹² Но если политическая философия должна «узаконить» свой взгляд на интерпретацию концепций, то идеология принимает ее на веру как некую «неоспариваемую», жестко зафиксированную, общепринятую формулу, добавляя к ней, помимо всего прочего, еще и эмоциональные элементы.

Итак, концептуальные единицы формируют идеологию и, тем самым, допускают ее категоризацию. Идеологию организует концептуальное «ядро», способное притягивать различные периферийные концепции, т.е. зрелая система мышления отражает полный спектр ответов на различные вопросы (как они понимаются в данное время и в данном месте), которые стоят перед политической системой. Кроме того, их морфология должна быть достаточно широкой для того, чтобы закрыть «зонтиком» всю «идеологическую семью»¹³.

Фридэн предлагает три полезных критерия для определения статуса конкретной системы убеждений в качестве идеологии: во-первых, это степень уникальности и морфологической утонченности; во-вторых, связанная с контекстом способность дать ответы на широкий спектр политических вопросов; и, в-третьих, способность образовывать «неоспариваемые» «концептуальные цепочки»... Если все три критерия имеются и, при этом, в большой степени, то можно говорить об идеологии; если же наличествуют лишь один критерий или все, но в слабо развитой форме, то скорее следует говорить об идеологическом «модуле».

Особое значение Фридэн придает третьему критерию — способности формировать неоспариваемые «концептуальные цепочки», не вызывающие возражений, ибо именно они конкретизируют смысл концепции, составляющие «ядро», организуя их в «паттерн» или «конфигурацию», связывающую их с другими концепциями смысловым образом.

---

¹² См. подробнее об этом: Алексеева Т.А. Политическая философия. От концепций к теориям. Москва: РОССПЭН. 2007. С. 61–71.

¹³ Frieden M. Ideologies and Political Theory: a Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press. 1996. P. 485–486.

Он пишет: «Идеология пытается закончить неизбежные споры между концепциями, делая их неоспариваемыми, выводя их смысл из обсуждения. «Именно это означает справедливость», — провозглашает одна идеология, «и отсюда вытекает демократия». Стремясь убедить нас в том, что они правильны и что они говорят правду, идеологии превращаются в инструменты для интердетерминации смысла... такова их семантическая роль. /Но — А. Т./ идеологии также должны оспорить концепции, которые они используют, поскольку являются инструментами формирования коллективных решений. Такова их политическая роль¹⁴».

Таким образом, именно здесь наиболее очевидно различие между идеологией и политической философией.

Взаимосвязь семантических и политических ролей предполагает, что контроль над политическим языком прямо транслируется в политическую власть, или иначе, именно власть решает, говоря словами Гарольда Лассуэла, «кто что получает, когда и как¹⁵». Отобранные и обогащенные некоторыми группами в обществе эти семантические цепочки, придают мыслительным системам специфические смыслы, выгодные этим группам. Успешные концептуальные кластеры обогащают их идейные арсеналы и делают их более тщательно продуманными именно благодаря «концептуальным цепочкам». Расширяя возможности давать ответы на широкий круг политических вопросов, они затем обращаются к более широкому сегменту населения. Как следствие, политический потенциал формирующейся системы мышления, а также разных групп, выступающих в роли ее носителей, существенно увеличивается.

Таким образом, идейный кластер становится достоянием общественности, т.е. переходит из сугубо академической сферы в публичную сферу. Чем выше способность образующейся системы мышления формировать «концептуальные цепочки» неоспариваемого характера, тем более мощной становится идеология. Как показывает, например, история социалистических идей, такие зарождающиеся кластеры могут, в самом деле, на какой-то исторический период «овладеть массами», то есть обеспечить свое идейное доминирование, или «гегемонию». Как только идеология достигает своей зрелости, она уже говорит со своей аудиторией на языке убедительных «фактов» и узнаваемых нарративов. Ее основные положения интерпретируют смысл происходящего, убеждают, восхваляют, делегитимируют или легитимируют власть, дают рецепт различения «истины» и «лжи», равно как и «добра» и «зла». Они позволяют людям действовать политически, в то же время ограничивая их действия через объединение вокруг определенного мировоззрения.

Глобализм, безусловно, обладает способностью выстраивания подобных «неоспариваемых цепочек». Профессор университета Иллинойса Манфред Стегер выделяет в глобализме шесть следующих неоспариваемых «цепочек»¹⁶:

1. Глобализация связана с либерализацией и глобальной интеграцией рынков.
2. Глобализация неизбежна и необратима.

¹⁴ Ibid. ref.16, P. 54–55.

¹⁵ Lasswell, Harold. Politics: Who Gets What, When and How. NY: Meridian Books. 1958.

¹⁶ Steger, Manfred. Ideologies of Globalization// Journal of Political Ideologies. February 2005. Vol. 10. No. 1. P. 11–30.

3. Никто не стоит во главе глобализации (этот тезис как раз претерпел изменения, причем как антиглобалистами, так и представителями Запада после 2001 года, утверждается, что во главе процессов стоят США и шире — Запад)...
4. Глобализация выгодна всем (... в длительной перспективе).
5. Глобализация способствует распространению демократии в мире.
6. Глобализация предполагает глобальную войну против терроризма.
Соответственно, если мы будем по аналогии говорить о демократии и демократизации как процессе, то эти шесть тезисов могут приобрести сходную редакцию:
  1. Демократизация связана с глобализацией с глобальной интеграцией рынков.
  2. Демократизация неизбежна и не должна быть обратима.
  3. США (и шире, Запад) стоят во главе процессов демократизации во всем мире.
  4. Демократизация выгодна всем (... в длительной перспективе).
  5. Демократизация поддерживает глобализацию.
  6. Демократия предполагает глобальную войну против терроризма.

Как мы видим, «неоспариваемая цепочка» связывает воедино такие концепции как «глобализация» и «рынок» с приспособленной для этого концепцией «демократии», занимающую также важное место в таких идеологиях как либерализм, консерватизм и социализм. Глобалисты обычно доказывают неоспариваемость демократии через ее близость к концепциям «рынка» и экономического выбора — тема, в разработку которой большой вклад внесли неоконсерваторы в 1980-е гг. (особенно в рамках «рейганизма» и «тэтчеризма»). Дискурсивный анализ этих текстов показывает, что в них, как правило, такие понятия как свобода, свободный рынок, свободная торговля и демократия используются как синонимы.

Так, например, Фрэнсис Фукуяма писал, что существует очевидная корреляция между уровнем экономического развития страны и успешностью демократии. Разумеется, глобализация и уровень накопления капитала не приводят к автоматическому утверждению демократии, «уровень экономического развития, вытекающий из глобализации способствует формированию сложных гражданских обществ с сильным средним классом. Именно этот класс и структура общества поддерживают демократию¹⁷».

По мнению Фукуямы, процесс глобализации укрепляет связь между демократией и свободным рынком. Тем не менее, следует принять во внимание, что неолиберальная и неконсервативная аргументация опирается на ограниченную интерпретацию демократии, подчеркивающую формальные процедуры, такие как голосование («процедурная демократия»), при заметной недооценке прямого участия широкого большинства в процессе принятия политических и экономических решений. Это ограниченное определение демократии является частью той идеологической цепочки, которую такой исследователь как Уильям Робертсон идентифицировал как Англо-американский идеологический проект «поддержки полиархии» в развивающемся мире. По Робинсону, узкая концепция полиархии значительно отличается от более полной концепции «народной демократии», рассматривающей демократию одновременно и как процесс, и как средство для достижения фундаментальной цели — то есть как инструмент

---

¹⁷ Economic Globalization and Culture: A Discussion with Dr. Francis Fukuyama — <http://www.ml.com/wom/forum/global12.html>

развития политической и экономической власти вне пределов меньшинства элиты и привлечение к ней массы. Полиархия, в отличие от нее, представляет собой элитистскую и ограниченную модель «низко интенсивной» или «формальной» рыночной демократии. Полиархии не просто лимитируют демократическое участие, сводя его к участию в голосовании, но также предполагает, что избранные лица ограждаются от давления «снизу» с тем, чтобы они могли управлять эффективно¹⁸.

Как известно, понятие «полиархии» было впервые введено Робертом Далем и предполагало реально существующие режимы в странах Западной Европы и США, которые в определенной степени соответствуют демократическому идеалу, то есть занимает промежуточное положение между идеальной, нормативной демократией (правления народа и для народа) и полным ее отрицанием (тоталитаризмом). Важнейшими чертами такого политического режима является относительно высокий уровень политического участия граждан и развитое, открытое соперничество различных групп и политических лидеров в борьбе за поддержку избирателей на выборах.

Такой фокус на семантике акта голосования, при котором равенство присутствует только в формальном смысле, позволяет проигнорировать условия неравенства, отражающие существующую асимметричность властных отношений в современном обществе. Формальные выборы выполняют важную функцию в легитимации правления господствующих элит, существенно затрудняя возможности народных движений бросить вызов этой элите. Утверждение, что глобализация способствует распространению демократии в мире, опирается на формально-процедурное понимание демократии. Поддержка полиархии позволяет глобалистам продвигать свой проект экономической реструктуризации на языке «демократизации» мира. Иными словами, доктринальный глобализм демонстрирует свою способность превращаться в политические решения.

Предположим, что в самом деле демократия создает новую идеологическую конфигурацию, доминирующую сегодня на идейном ландшафте, то тогда, что это означает для задачи реклассификации существующих систем политических убеждений? Прежде всего, это означает постановку под вопрос устаревших категорий, доминировавших на протяжении двух столетий с целью выявления идеологической динамики. Иными словами, это предполагает необходимость выйти за пределы общепринятых класификаций, выявляющих сходство и различия у таких «идеологических семей» как либерализм, консерватизм, социализм, анархизм и т.д. Уже сегодня ни одно серьезное исследование идеологий не обходится без дополнительных страниц, посвященных особенностям второй половины XX века. Тем более интересны попытки реклассифицировать идеологии на основе сегодняшних идейных тенденций.

Так, уже цитированный нами выше М. Стегер предлагает разделить всю идеологическую схему на три области. В центр может быть помещена «идеологическая семья» глобализма в двух вариантах (рыночный глобализм до 11 сентября 2001 г. и имперский глобализм после). Противоположные «идеологические семьи» — «правые» и «левые» составят две оставшиеся идеологические области. Понятно, что граница между «левыми» и «правыми» всегда была условной и подвижной в зависимости от исторических

¹⁸ Robinson W. Promoting Polyarchy: Globalization, U.S. Intervention, and Hegemony. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. P. 56–62.

обстоятельств. Относительно недавно итальянский политический мыслитель Норберто Боббио еще раз подчеркнул важность этого разделения на примере двух фундаментально разных подходов к проблеме равенства в условиях глобализации¹⁹.

«Вызовы» глобализму «справа» будут включать национал-популизм, нео-локализм и различные течения религиозного фундаментализма с сильным политическим акцентом. «Слева» мы обнаруживаем глобальный феминизм, интернационал-популизм и различные идейные кластеры, связанные с движениями за «глобальную социальную справедливость». Являются ли данные системы мысли полноценными идеологиями или только растущими «модулями» — предмет отдельного исследования. Такая новая система классификации, безусловно, будет также обращать внимание на конвенциональные идеологии, но ее основной фокус будет направлен на слежение за их концептуальное влияние на современные политические системы убеждений, нежели на наблюдение за ними как основными игроками на современной идейной сцене. В эпоху глобализации мы должны быть готовы сделать шаг в сторону от привычной концептуальной почвы и переосмыслить полезность хрестоматийных идеологических границ и категорий.

Таким образом, как глобализм, так и демократия могут рассматриваться в качестве «идеологических семей». Не случайно, поэтому, за последние два десятилетия они смогли достигнуть дискурсивного доминирования в современном мире. Разумеется, проблема нуждается в дальнейшем исследовании и, прежде всего, в эмпирическом подтверждении способности этих «семей» отвечать на основные политические вопросы современного мира. Еще одна проблема — оценка идеологий всегда происходит в специфическом идеологическом контексте, поскольку ни один исследователь не находится в политическом вакууме. Поэтому морфологический анализ не может быть отделен от политических действий и, тем более, от этических требований.

Не принимая «аксиологическую нейтральность», которую часто путают с «научной объективностью», Пьер Бурдьё писал: «Сегодняшние исследователи должны ввести невероятную и незаменимую комбинацию: исследование с приверженностью, то есть коллективную политику вмешательства в политическую сферу, из которой вытекают, насколько это возможно, правила, управляющие научным полем²⁰». Такого рода приверженность, в частности, обязательно должна присутствовать и при анализе появляющихся концептуальных кластеров.

«Долгосрочные цели и мотивы действий элит, какими бы прагматическими они ни казались, основаны на вере в их достижимость гипотетических представлениях о том, к каким результатам эти действия могут и должны привести, — пишет российский исследователь Федор Войтоловский. — Эти представления, по сути, недоказуемы в осязаемой временной перспективе или недоказуемы в принципе. Поэтому сам процесс выработки долгосрочного целеполагания существования и поведения государств или других социальных субъектов мировой политики носит идеологический характер²¹».

¹⁹ Bobbio, Norberto. *Left and Right: The Significance of Political Distinction*. Chicago: University of Chicago Press. 1996.

²⁰ Bourdieu, Pierre. *Firing Back: Against the Tyranny Of the Market 2*. NY: The New Press. 2003. P. 24.

²¹ Войтоловский, Федор. Идеологическая рефлексия мировой политики // *Международные процессы*. Сентябрь–декабрь 2007. Т.5. №3 (15). С. 45.

По-видимому, самая большая мировая проблема — соотношение глобализации и, соответственно, демократизации с вестернизацией. Здесь сформировались два основных подхода²². Первый исходит из того, что глобализация — процесс более широкий, чем вестернизация, она практически равна модернизации (А. Гидденс, Р. Робертсон, У. Конолли и др.). Второй — глобализация представляет собой глобальную диффузию западного модернизма, то есть расширенную модернизацию, распространение западного капитализма и западных институтов (С. Амин, Л. Бентон).

Признание демократии не только в качестве политического режима, но и ценностной «неоспариваемой цепочки» имеет далеко идущие последствия, поскольку позволяет объяснить целый ряд внешнеполитических решений США, не выдерживающих критики с позиций прагматизма.

В то же время кризис большинства традиционных идеологических систем со всей очевидностью показывает потребность в появлении новых идеологий, указывающих путь дальнейшего развития. Вполне возможно, что такими идеологиями и станут глобализм, демократия и другие новые идеологические системы. В любом случае, если мы встанем на позицию демократии как совокупности идеологических интерпретаций, мы вынуждены будем сделать вывод о том, что она никогда не сможет быть однозначной — то, что никогда не признают те, кто верит в демократию именно как в неоспариваемую идеологию. Однако мы вполне можем сделать следующий шаг и признать идеологию в качестве одного из членов «идеологической семьи», что предполагает множественность моделей демократии и мощное влияние на ее ценностный ряд ценностей и представлений разных стран с их культурными и политическими традициями, равно как и фрагментов других «идеологических семей».

Немецкий философ Фридрих Ницше писал в свое время, что существуют два способа разрешения проблем: насилие и методичность. Поскольку насилие, даже во имя высоких идеологических целей, например, утверждения демократии во всем мире, мы отрицаем, остается методичность, то есть длительная и последовательная работа по выявлению идеологических элементов во внешнеполитических решениях, застилающих глаза на политическую реальность и ведущим к ошибкам, которые, как известно, больше чем преступление. Только взвешенные, реалистичные и прагматичные внешнеполитические решения могут способствовать взаимопониманию народов и наций и, соответственно, утверждению мира и демократий, величайшей ценностью которых должна стать терпимость, толерантность к иной интерпретации понятий и смыслов.

---

²² Уткин А. И. Ракурсы глобализации // Полития. Зима 2000–2001. № 4. С. 167.

Проблема «разделенных народов» в контексте изменений системы международных отношений

Р. Э. Бараш

В информационно-аналитическом дискурсе политологии термин «разделенные народы» распространен — однако, преимущественно в изданиях публицистического характера²³. При этом, отсутствует единое определение категории и четкое определение характерных особенностей явления разделенных народов, оценка его влияния на политические процессы как общемирового, так регионального и локального характера. Такая ситуация обусловлена тем, что, несмотря на давнее возникновение теоретического конструкта, в своем эмпирическом проявлении прецеденты разделения народов не только не отличались однородностью, их понимание часто менялось ввиду внешнеполитических изменений.

В наиболее общем смысле, разделенный народ — это этническая группа, территория компактного проживания представителей которой разделена границами нескольких государств. При этом, представители разделенного народа осознают себя единой общностью, стремятся к объединению своего этнического пространства в рамках собственного единого государственного образования. В качестве варианта своего институционального самоопределения представители разделенного народа могут выдвигать требование широких прав автономии (не претендуя на независимость). Представители разделенного народа часто формируют специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих частей, расположенных по разные стороны от разделяющей границы.

По формальным признакам одним из самых ранних прецедентов явления «разделенных народов» можно считать Древнюю Грецию, где в середине I тыс. до н. э.

---

²³ Затулин К. Русские — разделенный народ // «Российская Федерация сегодня», № 14, 2007. Постоянный адрес статьи в сети Интернет: http://www.russia-today.ru/2007/no_14/14_topic_1.htm; «Воссоединится ли разделенный народ?» Постоянный адрес статьи в сети Интернет: http://www.osradio.ru/2006/12/05/vossoedinitjsja_li_razdelennyj_narod/; Глядя на Косово, гагаузы говорят: «Почему им можно, а нам нельзя? Мы ведь тоже разделенный народ!»; интервью Федора Ангели. Постоянный адрес статьи в сети Интернет: <http://www.volga-inform.ru/allnews/941428/>

существовало несколько городов-государств (полисов), население которых отличалось общезллинским самосознанием²⁴. На тот период, однако, разделенность не рассматривалась как проблема и, соответственно, отсутствовали попытки обосновать и реализовать стратегии объединения. Представителей разделенного этнического целого не возникало ощущения зависимости культурной, политической, экономической от судьбы их национальной общности. Внешняя опасность могла пробудить чувство национальной связи — как в Греции в эпоху греко-персидских войн или во Франции во время Столетней войны. Однако, в ходе Пелопоннесских войн, например, греки воевали с греками. В религиозных и династических войнах, предшествовавших новому времени, немцы воевали против немцев, а итальянцы — против итальянцев, никак не осознавая «братоубийственной» сущности своих действий. Даже в XVIII в. и солдаты и гражданские лица в Европе поступали на службу к «иностранным» правителям и нередко служили им с лояльностью и преданностью, доказывавшими отсутствие какого-либо национального чувства²⁵.

Впервые общественный интерес к проблеме «разделенных народов» возник в первой половине XIX в., когда после французской и американской революций в общественном сознании утвердилось понимание несоответствия государственных границ, установленных абсолютизмом, естественным границам проживания нации²⁶. К началу XIX в. в ходе освободительного движения греков против Османской империи и образования в 1821–1829 гг. независимого греческого государства возникает идея эносиса — борьбы греков в Фессалии, на Кипре, Крите и других островах за присоединение к Греции всех территорий, населенных греками²⁷.

Свое теоретическое обоснование проблема разделенных народов впервые получила во второй половине XIX в. — начале XX в. (до начала Первой мировой войны), когда возникли зачатки ирредентистской идеологии и соответствующие политические организации.

Тогда же появляется идеология объединения курдского народа — выразившаяся в стремление эмира Бодрхан-бея получить независимость от Турции (1840-е годы), восстании Язбншера (1855 г.), походе шейха Убейдуллаха в Иран, выдвигании лозунга создания курдского государства (1880 г.)²⁸. Но в этот период курдское освободительное движение еще не было консолидированным, борьба отличалась раздробленностью и стихийностью. Племенная верхушка курдов стремилась решать свои собственные задачи — образовывать независимые княжества и тем самым самостоятельно править. Вопрос о самоопределении народа в этот момент был второстепенен.

---

²⁴ Eleenberg V. Hellens. In: The Oxford Classical Dictionary, Oxford, 1953, P. 411.

²⁵ Ганс Кон Национализм: его смысл и история [Из книги: Hans Kohn. Nationalism: Its Meaning and History, 1955] // Проблемы Восточной Европы. № 41–42. Вашингтон. 1994. С. 88–169.

²⁶ Сикевич З. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 29.

²⁷ Селитренникова В., Иванова И. Кипрский узел конфликтных противоречий // Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. С. 120.

²⁸ См., например: Лазарев М. Новые тенденции в курдском национализме // Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке. М., 1999. С. 65.

В это время возникают политические организации, ориентированные на создание независимой Басконии (на населенных басками территориях Испании и Франции)²⁹. В конце XIX — начале XX века возникает противостояние Франции и Германии из-за областей Эльзас и Лотарингия. В конце XIX в. был разделен Йемен — в 1839 г. англичане захватили Аден (будущую столицу Южного Йемена), а в 1849 г. Османской империей была оккупирована Сана (будущая столица Северного Йемена). В начале XX в. была проведена граница, разделившая Йемена на Северный и Южный, а в 1918 г. Северный Йемен провозгласил свою независимость.

В конце XIX века в Италии зародилось движение ирредентизма (получившее свое название от итальянского патриотического движения — «Italia Irredenta»). Целью движения было установление «естественных границ» Италии, присоединение некогда итальянских (но на тот момент входивших в другие государства) территорий Трентино, Триеста, Далматии, Истрии, Гориция, Тицино, Ниццы, Корсики и Мальты. Но классический итальянский ирредентизм отличался декларативным характером, и население не привлекала перспектива борьбы с Австрией и в еще меньшей степени с Францией за территории Ниццы и Корсики или Британией за Мальту. С их постепенной радикализацией ирредентистские организации были поставлены под контроль полиции и с началом французской оккупации Туниса (в 1881 г.) — прекратили свое существование. Последнее во многом было обусловлено кризисом в отношениях Франции и Италии и, как следствие, сближением последней с Австрией, Германией и Италией — и последующим складыванием Тройственного союза. Поэтому для антиавстрийского «Рисорджименто» приоритетными стали скорее претензии на Тренто и Венецию, нежели на юго-восточное побережье Франции³⁰. Сотрудничество итальянского государства с Тройственным Союзом (то есть с Германией и Австро-Венгрией) ограничило возможности его территориальной экспансии границами Габсбургской империи.

Таким образом, на начальном этапе своего формирования проблема «разделенных народов» апеллировала к либерально-националистическим идеям — не территориальной экспансии, но праву населения на национальное самоопределение. Хотя в качестве центральной задачи декларировалось воссоединение этнически гомогенного, но территориально разделенного народа в единый политический союз или национальное государство, фактически идее ирредентизма (главным образом в случае итальянского и германского народов) удалось заполнить идеологический вакуум в Центральной и Восточной Европе и обозначить стремление к созданию сильного государства.

Следующий этап в развитии проблемы разделенных народов приходится на 1920–1930-е гг. После Первой мировой войны происходит распад Российской, Турецкой и Австро-Венгерской, увеличивается число разделенных новыми государственными границами этнических групп. «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона сделали возможным возникновение нового витка претензий на восстановление разделенных народов. Отсутствие единого международного арбитра, а также стремление стран-победительниц «наказать» побежденных усугубили ситуацию. Территориальные претензии возникших государств удовлетворялись, в первую очередь, за счет государств,

²⁹ См., например: Волкова Г. Испания: демократия vs. терроризм // Космополис. 2003. № 1(3). Весна. С. 76–77.

³⁰ Kallis A. A. Territory and expansionism in Italy and Germany, 1922–1945. Routledge. 2000. P. 40–46.

проигравших в Первой мировой войне. Однако в силу невозможности определения в Центральной и Восточной Европе «чистых» этнических границ, решение проблемы разделенных народов стало фактически инструментом реализации политики экспансионизма.

После Первой мировой войны одним из ключевых элементов противоборства Великих держав стал «Курдский вопрос». Благодаря его использованию Лондону удается установить влияние на Ближнем Востоке и противостоять восстановлению турецкого господства в Ираке³¹. В свою очередь, советская дипломатия использовала «курдскую проблему» для противодействия английскому влиянию на Ближнем и Среднем Востоке, для «политического шантажа» правящих режимов Ирана и Турции³². Несмотря на формальные попытки мирового сообщества легитимизировать права меньшинств, в первой четверти XX века мировые державы использовали карту национальных меньшинств — и в частности разделенных народов — главным образом, в пропагандистских целях, а также для укрепления собственных позиций. После Первой мировой войны был подписан Севрский мирный договор, целый раздел которого (ст. 62, 63, 64) был посвящен Курдистану. При подписании Севрского договора Франция, Великобритания и Италия заключили секретное соглашение о разделе сфер влияния в Курдистане и совместной эксплуатации железных дорог³³. Между Францией и Турцией после Первой мировой войны развернулась борьба за Юго-западный Курдистан. Таким образом, несмотря на пристальное внимание к «курдскому вопросу» на официальном уровне, фактического права на самоопределение курды не получили. Наличие отдельных статей, посвященных курдскому вопросу в Севрском договоре, а также включение «курдского вопроса» в повестку дня «Севрской конференции» объясняется стремлением держав-победительниц, с одной стороны, контролировать подъем освободительного движения курдов, а с другой, укрепить свои позиции за счет бывшей Османской Империи. Впрочем, благодаря Севрскому договору (который так и не вступил в силу), «курдская проблема» получила международное признание.

Разделение в результате распада Австро-Венгрии немецкого и венгерского этносов, создание независимой Польши, в том числе на части территорий бывшей Германской империи, не только поставило под сомнение справедливость государственных границ, но и поколебало стабильность всей Версальской системы³⁴. С социологической точки зрения, распад Австро-Венгрии явил собою не только разрушение государства, но и разрушение общества, выразившееся в утрате способности к воспроизводству структурного единства социальных отношений на определенной территории, то есть, фактической аномии³⁵.

---

³¹ Лазарев М. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., Наука, 1989. С. 202.

³² См., например: Генис В. Красная Персия. М.: МНПИ, 2000; Балашов Ю. Судьбы разделенных народов и ближневосточная политика Коминтерна в 1920-х гг. // VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2000.

³³ Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near Middle East: Document Record (1914–1956). Princeton, 1956. Vol. II. P. 87–88.

³⁴ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 82, 89.

³⁵ Общая социология // Под ред. А.Г.Эфендиева, М., ИНФРА-М, 2002, С. 523.

Экспансионистские амбиции Германии в это время были направлены на возвращение населенных этническими немцами территорий Польши и Чехословакии. К традиционным германским претензиям на территории, принадлежавшие некогда Российской и Габсбургской империям, прибавилось стремление включить в состав государства этнических немцев, проживавших на территориях, входивших в состав Франции, Польши, Чехословакии и Балтийских государств. С крушением империи Габсбургов появился проект *alldeutsche* («всегерманского» — нем.) Германо-Австрийского союза, надежду на создание которого некогда «похоронил» Версальский мир³⁶. Наконец, вследствие того, что северные границы Италии оказались «отодвинуты» до перевала Бреннер (Альпы) многочисленное германоговорящее меньшинство Южного Тироля оказалось частью итальянского государства (что также ставило вопрос о возможности вхождения Южного Тироля в состав Германии).

Невзирая на частные различия, попытки воссоединения разделенного народа связывались с задачей реализации утопической мечты о создании идеальной Родины. Ирредентистские притязания неслучайно выдвигались такими странами, как Германия, Италия, Венгрия, Греция, Румыния, Болгария и Литва, но отсутствовали во Франции, Испании и Великобритании. Возникновение ирредентистских амбиций предполагало, что процесс формирования национального государства не окончен — ввиду невозможности реализовать права представителей определенного этноса на территорию их исторического проживания. Такое несоответствие — очевидное в случае государства, где этнический компонент предшествовал развитию гражданской культуры, ставило во главу угла территориальную составляющую националистического дискурса и апеллировало к идеальной Родине.

Венгерским правительством ирредентизм использовался главным образом для поддержания ощущения правильности проводимой государственной политики. Каждое из венгерских правительств, от Советского в 1919 г. и до ультраправого в 1920 г., было вынуждено бороться с серьезными внутренними проблемами, препятствующими нормальному развитию Венгрии.

С окончанием Первой мировой войны вопрос национального самоопределения разделенных народов получил официальное признание (вместе с признанием прав малых народов). Формально вопрос актуализировался во внешней политике Великих держав с окончанием Первой мировой войны (призыв к объединению польских земель в рамках Российского государства — манифест от 15.08.1914 г.; вооружение немцами ирландцев, финнов и фламандцев и поддержка ими сепаратистских националистических движений; вооружение сербов, чехов, поляков, словаков со стороны государств Антанты для борьбы под лозунгами национальной независимости против австро-германского блока и т.п.)³⁷.

Общеввропейская стратегия взаимодействия с меньшинствами получил отражение в официальных документах — международным Бюро национальностей Конференции национальностей, собиравшейся в Париже в 1915г. и Лозанне в 1915г., был разработан

³⁶ Meyer H. C., *Mitteleuropa in German Thought and Action, 1815–1945*. The Hague. Temperley. 1955. P. 291–297.

³⁷ Mair L. P. *The protection of minorities*. L., 1928; Stone J. *International guarantees of minority rights. Procedure of the Council of the League of Nations in Theory and Practice*. L., 1932.

«Проект декларации прав национальностей», в соответствии с которым, народы Европы получали право на образование федерального или унитарного государства, а проживающие на их территориях национальные меньшинства — право на местную, муниципальную, учебно-культурную и религиозную автономию³⁸. Аналогичное предложение содержалось в 4-ом пункте программы, предложенной советской делегацией на первом заседании Брест-Литовской мирной конференции³⁹.

И хотя в рамках Версальского договора были приняты специальные соглашения о защите прав меньшинств, они не устраняли главную слабость вильсоновского понятия самоопределения — вопрос о том, чью именно право на самоопределение будет решающим в новых государствах. Политические элиты наций, представляющих большинство населения, попытались ответить на этот вопрос по-своему, ограничивая права и влияние меньшинств. А если учитывать то мощное влияние, которую оказали на идеологию национализма как господствующей, так и подчиненной нации расовые теории, то этнический конфликт оказывался неизбежным следствием.

В межвоенный период претензии ряда национальных государств на исторические территории являлись основным способом «противодействия» постулатам Версальского договора и служили удобным, причем, легальным оправданием территориальных притязаний. Последнее обстоятельство окажется особенно важным для объяснения будущей фашистской внешней политики Италии и Германии.

Собственно к концу первой четверти XX века Италия и Германия имели четкое представление о своих геополитических целях. Италия нуждалась в г. Фиуме (теперь — Риека) как порте стратегического назначения в Адриатике, а также Мальте и Корсике — для контроля на Средиземноморье, то есть конечной целью являлось стремление укрепить свои геополитические позиции⁴⁰. Аналогичной была логика Гитлера, стремящегося получить контроль над Польским коридором и собрать воедино западные и восточные немецкие территории, а также отвоевать у России *Lebensraum* («жизненное пространство»)⁴¹.

А.Гитлер и Б.Муссолини, очевидно, понимали, необходимость союзников в деле осуществления своих реваншистских планов. В случае реализации задач ирредентизма, Италия и, особенно, Германия, оказались бы вовлечены в военное противостояние практически со всеми Европейскими государствами. Поэтому аргументы в пользу ирредентизма использовались Б. Муссолини и А.Гитлером выборочно. Так, итальянский руководитель сосредоточил свое внимание на Итало-Югославском споре по поводу города Фиуме, а также вопросе о независимости Австрии (последнее

---

³⁸ Macartney C. A. National states and national minorities. L., Oxford University Press, 1934. P. 214.

³⁹ «По отношению к территориям, обитаемым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему национально-культурную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию» // Ключников Ю., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотам и декларациях. М., 1929. Ч.2, С.103.

⁴⁰ Kallis A. A. Territory and expansionism in Italy and Germany, 1922–1945. Routledge. 2000. P. 49–55.

⁴¹ Польский Коридор — («Данцигский коридор») — в литературе — название полосы земли, полученной Польшей по Версальскому мирному договору 1919 и дававшей ей доступ к Балтийскому морю.

гарантировало бы невозможность немецкого присутствия в Бреннере)⁴². При этом, ирредентистским претензиям на Мальту и Корсику Муссолини на некоторое время предпочел возможность контроля над Адриатикой и стабильность на северных рубежах страны.

Некая «искусственность» пангерманистских претензий с очевидностью проявилась, в отказе Германии от ирредентистских претензий на Эльзас и Южный Тироль (бывший частью Италии). Германоговорящие меньшинства, проживавшие на данных территориях, традиционно рассматривались в качестве неотъемлемой части будущего великого «общегерманского государства в сердце Европы». Отношение к данным территориям с очевидностью демонстрирует, что немецкий ирредентизм как внешнеполитическая стратегия накануне Второй Мировой войны уступил место элементарным экспансионистским планам. Регион Эльзаса стратегически не был важен для воплощения на Востоке концепции *Lebensraum* («жизненного пространства») — чем и объясняется некоторое безразличие Гитлера к судьбе упомянутого меньшинства, особенно в сравнении с активным интересом первого к положению немцев в центральной и восточной Европы⁴³. От судьбы Южного Тироля зависела стабильность Итало-Германских отношений и Гитлер оказался перед непростой дилеммой: придерживаться принципов пангерманизма ценою дружбы с Италией или же жертвовать «священными принципами» создания всегерманского государства ради итало-германского союза⁴⁴.

С крушением империи Габсбургов появился проект *alldutsche* («всегерманского» — нем.) Германо-Австрийского союза, надежду на создание которого некогда «похоронил» Версальский мир⁴⁵. В этот период политическая элита Германии артикулирует задачу объединения Австрии и Германии, а также присоединения территории судетских немцев.

Таким образом, накануне Второй мировой войны отход от либеральных принципов «классического» ирредентизма вследствие фашизации политической верхушки Италии и Германии в первой четверти XX века фактически означал превращение ирредентизма в инструмент легитимации экспансионистской политики А. Гитлера и Б. Муссолини. Причем, подобная эволюция ирредентизма стала возможна в немалой степени благодаря сложившейся системе международных отношений, попустительству мирового сообщества.

⁴² Бреннер (горный перевал в Альпах) интересовал Италию, прежде всего, из стратегических соображений. Альпы у перевала Бреннер являются важным природным барьером. Кроме того, итальянцы полагали, что перевал Бреннер в Альпах является своеобразной природной границей, будучи составной частью водораздела между ареалом Черноморья и Адриатики.

⁴³ Сегодня эльзасцев отличает весьма своеобразная культурная идентичность, отличная и от французской и от германской и сопротивляющаяся политической, культурной и религиозной ассимиляции со стороны обеих стран // Toscano M. Alto Adige-South Tyrol: Italy's Frontier with the German World (Baltimore, 1975), 1–15; Alcock, A. E., The History of the South Tyrol Question (Geneva, 1970), 19–45; De Felice, R., Il problema dell'Alto Adige nei rapporti italo-tedeschi dall'Anschluss alla fine della seconda guerra mondiale, Bologna, 1973, Ch. 1.

⁴⁴ Schubert G. Anfänge Nationalsozialistischer Aussenpolitik. Cologne. P. 76–81.

⁴⁵ Meyer H. C., Mitteleuropa in German Thought and Action, 1815–1945. The Hague. Temperley. 1955. P. 291–297.

Установление в 1945 г. биполярной системы международных отношений ознаменовало третий этап развития проблемы разделенных народов. В период с 1946 по 1991 гг. произошло разделение целого ряда государственных образований (т.е. фактически наций) по идеологическому принципу (Германия с 1945 г. до 1989 г., Вьетнам с 1954 до 1974 г., Корея остающаяся разделенной с 1945 г.).

Разделение Германии стало следствием решения Держав-победительниц: СССР, США, Франции и Великобритании. Создание в Германии и Берлине четырех оккупационных зон представлялось символом окончательной капитуляции Германии⁴⁶. Вектор разделения Запада и Востока Германии наметился в 1947 году. Тогда План Маршалла был реализован лишь в западных оккупационных зонах, а в 1948 г. на западе была проведена денежная реформа: введена в обращение новая валюта — западно-германская марка (рейхс-марки были отменены), и военная оккупация на Западе превратилась в оборонительное сотрудничество.

Решающее значение для разделения Кореи в XX веке во многом также было обусловлено влиянием биполярной системы, однако предпосылки к разделению сложились задолго до этого⁴⁷. Нередко в качестве примера идеологической обусловленности разделения народа (в данном случае, по мнению автора, правильнее говорить о народе) называют Йемен. Отчасти это действительно так, однако фактическое разделение Йемена — и об этом говорилось ранее — произошло еще в XIX веке. В случае Йемена историческое разделение было усугублено противоречиями биполярной системы. НДРЙ (Южный Йемен) заняло просоветскую позицию, ориентируясь в том числе на воплощение принципов социализма, в то время как в ЙАР (Северном Йемене) — несмотря на внутреннее противоборство монархистов и республиканцев — сильными оставались позиции исламских фундаменталистов, не приемлющих принципы социализма⁴⁸.

В указанный период с новой силой актуализировалась «курдская проблема», использовавшаяся Советским Союзом как средство давления на официальные структуры Ирана, Ирака и Турции, стран Запада⁴⁹. С другой стороны, актуализация проблемы разделенности азербайджанского этноса, попытки создания на северо-западных территориях Ирана Азербайджанскую республику являлись инструментом давления Советским Союзом на руководство Ирана.

В период с 1945 по 1991 г. проблема разделенных народов являлась следствием совмещения векторов региональных конфликтов и противоборства сверхдержав, использующих разделение народов в качестве инструмента установления и укрепления своего влияния в той или иной части планеты (в частности, в начале 1950-х гг. и советским, и американским руководством война в Корее рассматривалась в ка-

---

⁴⁶ Birnbaum K., East and West Germany: A Modus Vivendi. Farnborough: Saxon House, 1973; Sowden J. K., The German Question 1945-1973, New York: St Martin's Press, 1975.

⁴⁷ Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. Отв. ред. Нежинский Л. Н., М., 1995. С. 192.

⁴⁸ Голубовская Е. К. Йеменская Арабская Республика. — В кн.: Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985. М., 1988

⁴⁹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., Гея, 1996. С. 308–313.

честве благоприятной возможности укрепления влияния в азиатско-тихоокеанском регионе). Проблема приобрела четкое политико-идеологическое измерение. Ее «популяризация», с одной стороны, обусловила повышенный интерес к ней международных организаций (в частности, ООН), а с другой, еще сильнее усугубила существующую разделенность. Дальнейшая разделенность стала закономерным ответом государств на попытку нарушить их территориальную целостность и вмешаться во внутривнутриполитические дела.

Кроме того, «разделенный народ» в этот момент — если и существовал как явление, то не всегда представлял собою проблему, задачу решения которой ставили перед собою части разделенного целого. Однако, наиболее важной особенностью разделения этого периода, было то, что разделенными оказались не народы, но нации. То есть на первый план вышла не проблема несоответствия географических границ ареала расселения этнических немцев границам германского государства или территорий исторического проживания корейцев границам корейского государства, но разделение некогда единого политического целого, воображаемое для воплощения идеи общей истории, культуры, политической судьбы.

Надо отметить, что будучи разделенными не только государственными границами, но и идеологическими противоречиями, в указанный период разделенные народы не только не испытывали заметного энтузиазма по поводу объединения, но демонстрировали взаимную отчужденность и приверженность антагонистическим принципам. Яркими примерами могут служить — война в Корее в 1950–1953 гг., во Вьетнаме в 1957–1975 гг., строительство по инициативе ГДР в 1961 году Берлинской стены, пограничная война между ЙАР и НДРГ в 1979 г.

Четвертый этап развития проблемы «разделенных народов» приходится на постбиполярный период. В начале 90-х гг. XX в. в результате распада многонациональных федераций возникла целая волна ирредентистских движений⁵⁰. Исчезновение с политической карты мира Советского союза, Чехословакии и Югославии представляло собою распад многосоставных полиэтнических государств, население которых не «исчерпывалось» титульной нацией. В рамках единого государств, и, отчасти, верховенства коммунистической партии, национальный фактор не имел особого значения, но с трансформацией административных границ в границы международные определенная часть населения обнаружила себя отделенной от «этнической Родины».

После распада Югославии на территориях Боснии и Герцеговины возникло два противоположных по содержанию, но схожих по сути крупных ирредентистских проекта — по созданию «Великой Сербии» и «Великой Хорватии»⁵¹. Движущей силой обоих проектов являлся национализм, поданный «под соусом» создания государства для этнически однородного населения, но, как методы реализации Хорватией и Сербией своих «проектов», так и международная реакция на них были различны⁵².

⁵⁰ Лавренов С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., АСТ. Астрель, 2003. С. 56.

⁵¹ Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии (хроника событий). М., 1998. С. 23–36.

⁵² Неймарк Н. К. Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе в XX века. М.-СПб., 2005. С. 263.

«Хорватский проект» — по созданию на территории Боснии и Герцеговины населенного хорватами анклава и последующего его присоединения к Хорватии — проводился в жизнь с большей осторожностью, нежели сербский. Тогда как боснийские сербы своей задачей вполне однозначно считали создание Великой Сербии, боснийские хорваты нередко не были твердо уверены в целях своей борьбы, и часто ссылались лишь на стремление получить гарантии равных с сербами прав⁵³. При этом, весьма маловероятно, что Ф. Туджман предпочел бы созданию этнически однородной, но ограниченной в суверенитете Великой Хорватии полную аннексию населенной хорватами территории Боснии. Кроме того, первоначально руководство Хорватии придерживалось планов проведения миротворческой политики на всей территории бывшей Югославии и невмешательства в дела боснийских сербов, несмотря на сербско-хорватское противостояние. Тем не менее в конечном итоге боснийскими хорватами была избрана именно стратегия присоединения территорий своего проживания к Хорватии.

Особенностью решения проблемы разделенных народов — в республиках бывшей Югославии в конце XX в. — стало доминирующее влияние на него мирового сообщества. То есть, к традиционным участникам конфликта «разделенности» (государству, выступающему за присоединение к нему части граничащей территории, населенной этнически родственной группой, но входящей в состав иного государства, собственно этнически родственной группы, составляющей меньшинство в некотором государстве, которое, собственно, и является третьим участником конфликта), добавляется в качестве «четвертого» элемента мировое сообщество в лице международных организаций. Отношения, таким образом, усложняются, и с конца XX в. перспективы разрешения проблемы разделенных народов становятся зависимыми от все большего количества переменных.

Особенностью решения вопроса «разделенных народов» в конце XX века являлся не просто интерес к нему со стороны мирового сообщества, но и стремление управлять им, причём опосредованно. В частности, в качестве меры противодействия ирредентизму боснийских сербов был избран способ элементарного игнорирования проблемы — к переговорам по Дейтонскому соглашению делегация боснийских сербов допущена не была. С. Милошевич, действующий в определенном смысле «от имени всех сербов», стремясь избежать экономического эмбарго Сербии, оказался готовым принять практически все условия Соединенных Штатов. Не станет, таким образом, преувеличением тезис, о том, что сербский ирредентизм официальной Югославии конца XX века оказалось не только управляемым, но и зависимым от политики мирового сообщества, а также перспективы экономических санкций. При этом, экономические санкции, очевидно, не поколебали намерений боснийских или крайних сербов, отделившихся в конечном счете от политики идущего на уступки мировому сообществу Белграда.

Хотя Хорватия — в отличие от Сербии — избежала международных санкций, от идеи присоединения территорий Боснии, на которых проживали хорваты, она также отказалась. В «хорватском случае» мировое сообщество, не являясь непосредственным

---

⁵³ Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии (хроника событий). М., 1998. С. 23–36.

участником конфликта, последнее сумело подавить ирредентизм косвенными опосредованными мерами — например, посредством отказа в возможности интеграции в Европейское политическое, экономическое и военное пространство.

Таким образом, несмотря на определенную эволюцию в содержании, главным инициатором решения вопроса разделенных народов продолжало оставаться государство, национальное меньшинство оставалось лишь объектом активных действий. Если главным мотивом решения проблемы «разделенных народов» в период между Мировыми войнами являлся экспансионизм, то югославский ирредентизм стал результатом разрушения многонационального государства и политики «восстановления исторической справедливости».

Наконец, важной особенностью балканского ирредентизма конца XX в. было активное участие в конфликте мирового сообщества. Причем, мировое сообщество для «управления» ирредентизмом использовало не только прямые, но и опосредованные методы — например, экономическую блокаду или ограничение возможности общеевропейской интеграции.

Методы анализа и оценки политического риска в контексте принятия решений

Н. Е. Григорьева

Резкое увеличение в последнее десятилетие доли вероятностно-статистических представлений в научном знании, развитие теории принятия решений, объективная потребность поиска познавательных средств, позволяющих учитывать факторы неопределенности, стохастичности, конфликтности при выборе оптимальных альтернатив, создают реальные предпосылки для политологического анализа феномена «риск» [1].

Под политическим риском понимается вероятность неблагоприятных последствий политических решений, принимаемых в условиях неопределенности, дефицита ресурсов (времени, информации и т.д.), что ведет к ущербу для участников политических действий и вероятности осуществления нежелательных событий [2].

Таким образом, политический риск — неустранимый элемент политического процесса. Чаще всего о политическом риске говорят в ситуациях, когда при принятии решений требуется учитывать влияние факторов, связанных с нестабильностью внутривнутриполитической обстановки, правящего режима или правительства, с политическими беспорядками [3].

Исследование политического риска представляет собой комплексную процедуру сбора социально-политической, экономической и другой информации, ее анализ и оценку. Структура исследования политического риска включает четыре этапа: 1) комплексный анализ области исследования; 2) системная оценка факторов политического риска; 3) прогнозирование политического риска; 4) управление политическим риском. Комплексный анализ области исследования включает подбор факторов в зависимости от поставленной цели, создание системы факторов. На этапе системной оценки факторов политического риска определяется степень значимости отдельного фактора, его «вес» в структуре модели, корректность поступающей информации. Прогнозирование политического риска включает разработку наиболее вероятных сценариев развития ситуации и ее последствия. К применяемым методам относятся: статистическое моделирование, исторические и общие аналогии. На этапе управления

политическим риском планируются и осуществляются возможные превентивные меры против негативных тенденций или усиливаются позитивные — путем финансовой, политической поддержки и т.д. [4].

«Искусство» оценки рисков прежде всего проявляется на этапе отбора информации. Правильная расстановка акцентов при работе с информационными массивами и формулирование адекватных аналитических задач являются ключевыми факторами при формировании корректной картины рисков [5].

Творческий подход к оценке рисков получил наибольшее распространение в политической сфере, в которой процессы с трудом поддавались квантификации и во многом определялись влиянием человеческого фактора. Как искусство оценку политических рисков на определенном этапе рассматривали даже крупные транснациональные корпорации, в первую очередь энергетические, чьи инвестиции положили начало индустрии оценки рисков [5].

«Человеческий фактор», превращающий оценку рисков в искусство, стал центральным элементом «сценарного» метода, разрабатываемого американским публицистом Питером Шварцом и описанного в его известной книге «Искусство долгосрочного прогнозирования» (*The Art of the Long View*). В основе большинства методик оценки политических рисков лежит попытка спрогнозировать развитие ситуации, опираясь на имеющуюся информацию и инстинкты эксперта [6].

Являясь неотъемлемой частью принятия политических решений, риск может проявляться как в силу субъективных особенностей, так и объективных факторов.

Факторы политического риска можно условно разделить на:

- информационные, к которым относятся отсутствие четкой и полной информации о всех текущих политических процессах, недостаточность анализа политической ситуации в целом, неадекватное реагирование властей на нее, отсутствие четкого подсчета приобретений и утрат, непонимание и игнорирование интересов других участников политических действий и т.д.;
- социальные, вызванные нестабильностью, агрессивностью и радикализмом политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населения проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем;
- персональные, связанные с личностью политика, неустойчивостью его поведения, склонность к автономии без учета коллективного характера политических действий;
- правовые, поскольку политический риск зачастую возникает вследствие правового и морального нигилизма, невыполнение принятых условий политических взаимодействий и коммуникаций, нарушения требований закона и норм соглашений;
- экономические, связанные отсутствием денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, отсутствием развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, отсутствие прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т.д.;
- случайные, т.е. непосредственная случайность политики, которая ведет к появлению непредвиденных и нежелательных последствий (болезнь, отставка политиче-

ских деятелей, несчастные случаи), а также природные катастрофы, рождающие всевозможные угрозы и опасности [2].

Политический риск естественным образом возникает в условиях плюрализма, политической конкуренции, соревновательности и борьбы. Исходя из этого определения, можно выделить следующие свойства политического риска:

1. Универсальность этого вида рисков проявляется, прежде всего, в том, что он присутствует при политических решениях любого уровня, начиная с революционных преобразований всего общества и заканчивая голосованием отдельного избирателя.
2. Политический риск коллективен, т.к. он обуславливается не столько индивидуальными качествами политиков и технологиями власти, сколько групповыми политическими интересами.
3. Иерархичность политического риска проявляется на уровне последствий, вызываемых принятием тех или иных решений. В связи с этим выделяют следующую иерархию политических рисков: мегариски или риски на глобальном уровне, региональные риски, страновые и районные.
4. Субъективность. Политический риск крайне субъективен, поскольку как никакой другой зависит не только от объективных обстоятельств среды, в которой он формируется, но и от субъективного восприятия полученной информации или случившихся событий.
5. Многоплановость политического риска. Политические риски могут выступать самостоятельным фактором политики или быть элементом других видов риска — социального, коммерческого, инвестиционного, экологического и т.д. [7].

Характерной особенностью политических рисков в России является наличие двух уровней, на которых они могут возникать: федерального уровня и регионального уровня. Наличие регионального уровня означает для инвестора неоднородность внутрисканового политического пространства с точки зрения политических рисков. Для ряда инвесторов проблема региональных политических рисков более чем актуальна, так как перед этими коммерческими структурами стоит задача выбора наиболее подходящей для размещения капитала региональной среды. На эффективность деятельности компании в регионе влияет ряд факторов. Влияние некоторых из них может быть настолько велико, что способно поставить под сомнение эффективность деятельности бизнеса или прибыльность инвестиционного проекта. Специфика российской региональной среды такова, что большинство из этих факторов социальные и политические. Причиной тому огромное влияние личного фактора на административные решения, как в центре, так и на местах. Плюс ко всему коррупция, высокий уровень конфликтности в поле политических и экономических интересов, социальная напряженность и т.д. [8].

Методика оценки уровня политического риска конкретного региона складывается из трех этапов: 1) сбор информации; 2) обработка информации; 3) ранжирование регионов по степени инвестиционной привлекательности с точки зрения политической стабильности и на начисление рейтинга риска каждому региону. Обработка информации заключается в ее оценке с помощью заранее выработанных критериев. Оцениваются: а) характер регионального политического режима (через анализ таких факторов как: бюрократизация; влияние личного фактора на административные

решения; коррумпированность; изолированность власти от общества; демократичность; степень преемственности власти; уровень взаимосвязи экономической и политической жизни в регионе; гибкость институтов); б) политическая культура (сформированность гражданского общества и степень его вовлеченности в политический процесс; степень открытости и рыночности политической культуры; этнолингвистическая, религиозная, племенная или классовая гетерогенность); в) социальная обстановка (уровень социальной фрустрации и степень социальной защищенности населения; вектор и интенсивность процесса социальных реформ; иммиграция и эмиграция); г) политико-правовая обстановка (активность гражданского общества; легитимность действующей власти; разработанность инвестиционной законодательной базы; уровень конфликтности в поле политических интересов; характер и интенсивность административных реформ; уровень криминагенности обстановки и подверженности террористическим действиям; оппозиция). На следующем этапе производится преобразование качественных показателей в количественные с использованием западных методик анализа и расчета страновых политических рисков, адаптированных для работы с критериями оценки российской региональной среды, а точнее с вовлечением метода Дельфи (Delphi), который заключается в определении для каждого фактора, характеризующего региональную среду с точки зрения политического риска, удельного веса для каждого конкретного региона (в процентных долях). Затем каждый из этих факторов оценивается по определенной шкале. После чего количественные показатели суммируются в единый показатель с учетом удельного веса каждого из факторов. На основе полученных результатов производится ранжирование регионов в соответствии с величиной результирующего показателя и таким образом каждому региону начисляется рейтинг стабильности политической и социальной ситуации. Данный подход является комбинированным, так как основан и на субъективном восприятии среды, и на количественном анализе данных. Его применение позволяет решить проблему, неминуемо возникающую в процессе расчета рисков: как снизить влияние фактора субъективного восприятия среды на исходный результат, но в тоже время учесть его при анализе количественных показателей [8].

На сегодняшний день модели аналитического агентства PRS Group: модель PRS и модель International Country Risk Guide (ICRG) признаются экспертами наиболее объективными из всех существующих. Обе модели в целом характеризуют инвестиционную среду и в тоже время построены таким образом, что легко адаптируются к отдельным инвестиционным проектам [8].

Система PRS рассчитывает риск для инвесторов на двух стадиях, сначала идентифицируя три наиболее вероятных сценария развития политической ситуации для каждой страны в течение 2 периодов времени и затем, начисляя вероятность развития ситуации по каждому из сценариев в течение 18 месяцев и 5 лет. Для каждого сценария развития политической ситуации в стране эксперты устанавливают уровень возможных изменений в «политическом беспорядке» (political turmoil) и степень каждого из 11 типов правительственного вмешательства, которые могут повлиять на инвестиционный климат. Общая вероятность негативных изменений в политическом режиме и факторах, оказывающих влияние на бизнес, принимается за 100%. Вероятности суммируются и затем преобразовываются в индексы (буквы): от А+ до D для каждого из 3 инвестиционных секторов: финансовые операции (банковская сфера), ино-

странные прямые инвестиции и экспорт в рынок страны. Система PRS осуществляет только специальные прогнозы по крупным секторам промышленности, не оценивает макроуровень. Модель PRS адаптируется к индивидуальным проектам, благодаря дополнительной системе надбавок, путем добавления или вычитания переменных. Таким образом, происходит приведение модели в соответствие нуждам определенной фирмы или проекта. Аналитический продукт, выпускаемый PRS Group представляет собой отчет, который содержит примерно 70 страниц и включает в себя комментарии и анализ, основанный на недавних событиях, профили ключевых политических игроков, всесторонний анализ всех сценариев прогноза, так же описание исторического и политического фона и данные относительно правительственных, политических институтов, окружающей среды и ключевых секторов экономики. Отчет содержит информацию о 17 факторах, определяющих уровень политического риска и прогноз по их возможному изменению (12 из них составляют 18-месячный прогноз, + 5, которые добавляются для составления 5-летнего прогноза). Факторы риска, учитываемые при составлении 18-месячного прогноза: а) «политический беспорядок»; б) ограничение иностранной коммерческой деятельности; в) ограничение на владение иностранным капиталом частной собственностью в данной стране; г) дискриминация налогообложения (формальная и неформальная); д) валютный контроль; е) барьеры импорта; ж) задержки оплаты; з) финансовое и кредитно-денежное расширение; и) тарифные барьеры; к) ограничения по возмещению (формальные и неформальные правила, касающиеся прибыли, дивидендов и вложения капитала); л) трудовая политика; м) иностранный долг. Четыре дополнительных фактора, для построения 5-летнего прогноза (+ заново оцененный «political turmoil»): а) инвестиционные ограничения; б) торговые ограничения; в) внутренние экономические проблемы; г) внешние экономические проблемы. PRS использует эти 17 факторов для определения суммарного текущего уровня риска, сначала определяя уровень риска для каждого из факторов, а затем прогнозируя изменение уровня риска в каждом из 3 наиболее вероятных сценариев развития политической ситуации. Для начисления суммарного рейтинга политического риска используются числовые эквиваленты вероятностей роста уровня риска по каждому из факторов. Все 17 факторов считаются равными по своему удельному весу. При адаптации модели к индивидуальному проекту изменяют удельный вес каждого из 17 факторов. Индекс политического риска для каждой страны складывается из 3 индексов, рассчитанных по 3 секторам: сектор финансовых операций (банковская сфера), сектор прямых иностранных инвестиций и сектор экспорта в рынок страны. Для каждого сектора свои критерии. Рейтинг риска для инвестиционных проектов стране начисляется по каждому из секторов [8].

Индекс International Country Risk Guide рассчитывается по 3 категориям: политический риск, экономический риск и финансовый риск, который складывается из 3 отдельных рейтингов по каждой категории. Политический риск составляет 100 пунктов, финансовый и экономический по 50 пунктов соответственно. Индекс странового риска получается из суммы 3 индексов, разделенной на 2. «Очень низкий уровень риска» считается от 80 до 100 пунктов, «очень высокий уровень» — от 0 до 49,5. Оценка уровня политического риска включает в себя анализ 12 переменных, которые имеют различный удельный вес. В отчете ICRG указывается вес каждой переменной для того, чтобы фирма могла скорректировать прогноз в зависимости

от характера своей деятельности или отдельного проекта. Отчет ICRG включает в себя анализ настоящей ситуации, годовой прогноз и пятилетний прогноз. Рассматриваются 2 сценария: «лучший» и «худший» для того, чтобы менеджеры могли составить представление о вероятном будущем и застраховать капитал. Отчеты ICRG пишутся ежемесячно по 140 странам и доступны онлайн. Политический риск определяется по 12 компонентам, экономический и финансовый каждый на основе 5, всего 22 компонентов [8].

К политическим компонентам, определяющим политическую стабильность, относятся: а) политическая стабильность; б) социально-экономические условия; в) инвестиционный профиль; г) внутренние конфликты; д) внешние конфликты; е) коррупция; ж) участие вооруженных сил в политике; з) религиозная напряженность; и) общественный порядок; к) этническая напряженность; л) демократическая ответственность; м) качество бюрократии. К финансовым компонентам, определяющим платежеспособность, причисляют: а) иностранный долг как процент от валового внутреннего продукта; б) иностранное долговое обслуживание как процент от XGS; в) текущий счет как процент от XGS; г) чистая ликвидность; д) стабильность обменного курса. К экономическим компонентам, определяющим экономический потенциал, относятся: а) валовой внутренний продукт на душу населения; б) реальный ежегодный рост валового внутреннего продукта; в) ежегодный рост инфляции; г) баланс бюджета как процент от валового внутреннего продукта; д) баланс текущего счета как процент от валового внутреннего продукта. Каждому компоненту начисляется числовая ценность — пункты риска. Чем больше число пунктов, тем ниже потенциальный риск. Таким образом, определяется удельный вес каждого фактора (общая сумма пунктов по всем 22 критериям: 200). Пункты риска, начисленные каждому компоненту риска или показатель, рассчитанный для каждой категории риска, или показатель Суммарного Риска выявляют степень риска. В каждом случае, чем выше число, тем ниже риск. Это позволяет определить степень риска в пределах единственного компонента риска, категории риска или Суммарного Риска. Оценки политического риска производятся на основе субъективного анализа доступной информации, в то время как финансовые и экономические оценки риска, — исключительно на основе объективных данных. В дополнение к 22 индивидуальным оценкам, модель ICRG также включает в себя оценку для каждой из трех групп факторов риска для каждой страны. Совокупный страновой риск вычисляется по следующей формуле:

$$\begin{aligned} \text{CPFER (country X)} &= 0.5 (\text{PR} + \text{FR} + \text{ER}) \\ \text{CPFER} &= \text{Composite political, financial and economic risk ratings} \\ \text{PR} &= \text{Total political risk indicators} \\ \text{FR} &= \text{Total financial risk indicators} \\ \text{ER} &= \text{Total economic risk indicators} \end{aligned}$$

С целью выявления удельного веса факторов аналитики PRS составляют вопросы к каждому пункту. Исходя из того, как эксперты по каждой стране отвечают на данные вопросы, начисляются пункты риска. Минимальное количество — 0, максимальное зависит исключительно от веса фактора. Для того чтобы спрогнозировать изменение уровня риска, вводятся понятия Прогноз Худшего случая (WC Прогноз) и Прогноз

Лучшего случая (BC Прогноз). Оба прогноза производятся для 2 периодов: год и 5 лет. Прогнозы ICRG WC и BC позволяют оценить, в каких пределах расположен риск с учетом существующих тенденций развития политической, экономической и финансовой ситуации. Прогноз WC строится путем экстраполяции тенденции «худшего случая» на каждый компонент риска в каждой категории. Аналогично строится прогноз BC. В ходе построения прогноза производится оценка «достоверности» тенденции. Модель ICRG включает в себя оценку устойчивости уровня риска. Для этого вводится понятие Стабильность Риска. В системе ICRG Стабильность Риска отдельной страны — различие между WCF и BCF, которое представляет собой показатель стабильности риска для данной страны. Чем больше разность, тем ниже уровень стабильности [8].

Вопрос о том, как минимизировать негативные последствия и избежать опасности приобретает глобальное значение, причем одновременно риск становится управленческой категорией.

Основной источник рискогенности заключен в процедуре принятия политических решений, т.к. в реальности формирование направлений государственной политики осложняется рядом факторов, среди которых недостаточность знаний об объекте воздействия, множественность интересов контрагентов, наличие групп давления, влияние случайных факторов, стереотипы мышления лиц, принимающих решения, конфликт ценностей и интересов и т.д. Этот источник рискогенности по-своему проявляется в различных универсальных атрибутах системы управления государством [9].

С точки зрения условий, в которых принимаются решения, различают: 1) решения, принимаемые в условиях определенности, когда состояние внешней среды известно и существует определенная уверенность и просчитываемость последствий принятия каждого из возможных вариантов решения; 2) решения, принимаемые в условиях риска, когда возможны различные состояния внешней среды, однако имеется достаточно данных для установления вероятности каждого из этих состояний; 3) решения, принимаемые в условиях неопределенности, когда вероятностные значения основных значимых факторов и возможных состояний внешней среды в конкретный момент неизвестны [10].

На сегодняшний день ни один сколько-нибудь значимый субъект международной политики (государство, ТНК, неправительственные институты, партии, правящие элиты, общественно-политические, научные, культурно-образовательные учреждения и др.) не в состоянии на практике вырабатывать и проводить в жизнь свою стратегическую линию без той или иной степени погружения в виртуальные сценарии грядущего развития [11].

Одним из базовых способов моделирования политических ситуаций является метод ивент-анализа (от *англ.* event — событие), позволяющий упорядочить и структурировать сложные политические процессы в виде событийного ряда. В качестве типовых событий могут выступать принятие нормативных актов, публичные заявления политических лидеров, массовые демонстрации и акции протеста, террористические акты, политические убийства и т.д. Каждое событие, кроме того, обладает набором типовых признаков, таких как временная и географическая локализация, характер события, участники события, их организационная и социальная природа, интересы и намерения, характер предпринятых действий, наличие или отсутствие материального ущерба и человеческих жертв и т.д. [12].

Таким образом, метод инвент-анализа предлагает методологический инструментарий, позволяющий упорядочить поток политических событий, структурировать их таким образом, чтобы сквозь череду разрозненных фактов проявились объективные тенденции, скрытые порой от самих действующих лиц этого процесса. На этой основе появляется возможность объективно спрогнозировать развитие событий, а также определить наиболее эффективные точки приложения управленческих воздействий в целях контроля и целенаправленного изменения ситуации [12].

В качестве прикладного применения инвент-анализа может служить разработка, осуществленная российским Институтом анализа и управления конфликтами и стабильностью (ИАУКС) под руководством Э. И. Скакунова, в рамках комплексного проекта «САУКС-Россия [12]. Внесение записей в подсистему мониторинга политической стабильности позволяет построить гибкую систему индексов, отражающих динамику событий и позволяющих сделать обоснованные заключения относительно обозначившихся тенденций, отражающих общее состояние политической стабильности в том или ином регионе, а также их пороговые значения [13].

Итак, моделирование виртуальных явлений и процессов является одним из основных методов международного прогнозирования. В условиях становления информационного общества практически все значимые документы глобального характера содержат в себе те или иные прогностические оценки и выводы.

Прогнозирование предполагает определение рисков, последствий — выгод и издержек, — ассоциированных с каждым из возможных альтернативных способов решения, выявленных на стадии инициирования, а также возникающих в процессе дальнейшего обсуждения и анализа проблемы. На этом этапе акцент делается на эмпирические, аналитические и прогностические методы, позволяющие выявить вероятность тех или иных результатов, прямых и побочных последствий предлагаемых решений. Разнообразные технические приемы и методики — анализ выгод и издержек, статистические измерения, математическое моделирование, методы экспертной оценки, построение прогнозов и сценариев и т. д. — способствуют решению этих задач [14].

Заметный взлет международных исследований в нашей стране привел к созданию методологии ситуационного анализа, т. е. комплексного исследования текущей международной ситуации с перспективой на краткосрочное будущее. Авторы данной методологии (академик РАН Е. М. Примаков, член-корр. РАН Г. Ф. Ким, к. т. н. В. И. Любченко и др.) были удостоены в 1980 г. Государственной премии СССР. Проведенные в 1980-х и 1990-х годах в разных научных центрах страны исследования на основе данной методологии принесли весьма содержательные результаты прежде всего по части взаимодействия внутренних и международных факторов в разработке внешнеполитической стратегии, многовариантности различных альтернатив мирового развития [15].

Информационно-аналитические модели, построенные на основе данной методологии, позволяют решать комплексные прикладные задачи по обеспечению принятия политических решений. Задача-минимум — это мониторинг политической ситуации, отслеживание изменений ее ключевых параметров. Задача более высокого уровня — осуществление прогноза развития ситуации, построение сценариев. Наконец, задача-максимум — на основе мониторинга и прогнозирования обеспечить формирование (в том числе автоматизированное) комплексных стратегий управления политическим процессом как в его отдельных сегментах, так и в целом [16].

Итак, отправным моментом к изучению рискологии как новой отрасли знания послужил феномен значимости принятия тех или иных политических решений, способных оказывать влияние как на социальный, так и на геополитический порядок. Проблема риска получила освещение в таких научных сферах, как социология, история, юриспруденция, экономика, психология, естественные и технические науки, а также в междисциплинарных исследованиях, однако в политических науках данное направление на сегодняшний день остается малоизученным [7].

Риск остается неустрашимым элементом функционирования государства. Изучение политического риска открывает возможности управления конфликтами, помогает снизить неопределенность и повысить стабильность политических процессов и систем.

Главной задачей принятия политических решений должно быть обеспечение безопасности личности, общества и государства, определяемой как совокупность потребностей, удовлетворение которых является предпосылкой устойчивого прогрессивного развития.

Список литературы:

1. Тигин С. Г. Политический риск в обеспечении национальной безопасности: дисс. на соискание учен. степ. канд. полит. наук. — М., 2006. — С. 36.
2. Горшкова А. А. Политический риск и методы его оптимизации// Актуальные проблемы политологии. Сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов/ Отв. ред.: д.ф.н., проф. В. Д. Зотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — С. 139–142.
3. Общая и прикладная политология: Учеб. пособие/ Под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. М., 1997. — С. 851.
4. Стрекалев А. Управление рисками: мировой опыт применяется в России// Украинский ресурс по безопасности. <http://kiev-security.org.ua>.
5. Сафонов М. Западный опыт оценки экономических рисков// Международные процессы, 2005, № 3 (9), т. 3. <http://intertrends.ru>.
6. Peter Schwartz. The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World, 1996. pp. 223.
7. Панин Р. В. Управление политическими кризисами и рисками: модели и технологии: дисс. на соискание учен. степ. канд. полит. наук. — Саратов, 2006. — 177 с.
8. Швецова Д. Политические риски в РФ// Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2006. <http://ia-centr.ru>.
9. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория и политические технологии. — М., 2000. — С. 59–68.
10. Туронок С. Г. Политический анализ. М.: Дело, 2005. — С. 29–30.
11. Ли Вл.Ф. Теория международного прогнозирования. М.: Научная книга, 2002. — С. 13.
12. Туронок С. Г. Политический анализ. М.: Дело, 2005. — С. 151.
13. Он же. — С. 153.
14. Он же. — С. 44–45.
15. Ли Вл.Ф. Теория международного прогнозирования. М.: Научная книга, 2002. — С. 41–42.
16. Туронок С. Г. Политический анализ. М.: Дело, 2005. — С. 155.

Сценарирование в политической теории

П. А. Демидов

На протяжении последних 50 лет сценарирование зарекомендовало себя эффективным методом как прикладного, так и теоретического анализа. Данное утверждение верно по отношению как к экономическим наукам, в которых упор делается как раз на прикладную направленность сценариев, так и для политических — где наиболее высокая ценность этого метода исследования именно для теоретических научных разработок.

Можно констатировать тот факт, что в Россию также пришла мода на использование сценарного метода — примеры сценарных исследований России будут приведены ниже.

Основной проблемой эффективного его использования сценарных исследований является методологическая неразбериха вокруг самого термина «сценарный анализ» или «сценарирование». Российские исследователи стремятся использовать слово сценарирование или сценирование не осознавая того факта, что методология применения данного метода совершенно не отработана.

Зачастую термин «сценария» сводится к одному из следующих пониманий:

- сценарий — это прогноз развития ситуации;
- сценарий — это возможная стратегия поведения актора во внешней среде (например, сценарий «оранжевой революции»);
- сценарий — это один из многих гипотетических вариантов развития ситуации.

Именно последнее определение сценария является, на мой взгляд, наиболее близким по смыслу и наиболее продуктивным к методу сценарного анализа, который на протяжении десятилетий применяется в мировой науке. Обратимся к истокам сценарирования.

Основоположником современного сценарного анализа признают Германа Кана, эффективно применявшего этот метод в своей работе как будучи сотрудником корпорации RAND, так и консультируя правительство США по международным вопросам. Им и его соавтором Энтони Винером было введено в научный оборот понятие «сценарий»⁵⁴. С подачи Кана сценарирование как метод политического анализа прочно

---

⁵⁴ Kahn H., Wiener A. «The year 2000. A framework for speculation on the next thirty-three years», 1967.

вошло в научный арсенал аналитиков и исследователей в самых разных областях знания — от политики и международных отношений до менеджмента, психологии и исследований экологии. В 1960-х сценарирование было взято на вооружение Стенфордским исследовательским институтом, который провел исследование будущего американского общества, а также Гудзонским институтом, который был основан Германом Каном.

В 1970-х годах сценарирование стало широко использоваться крупными корпорациями, такими как Шелл и Джeneral Электрик, в целях стратегического планирования. Подготовленный в 1969–1970 годах командой под руководством Пьера Уэка для Шелл сценарий роста цен на нефть взорвал привычные для менеджмента представления о будущем, но в результате Шелл оказалась наиболее подготовленной к нефтяному кризису 1973–1974 гг. и вырвалась на вторую позицию среди главных нефтяных компаний США⁵⁵. После этого к сценарному анализу обратились многие менее крупные компании, научные институты и аналитические организации. В 1970 году авторами МакХейлом и Уэйкфилдом был проведен опрос среди 135 исследовательских организаций в США, который показал, что сценарирование использовалось в качестве метода исследования в 45 из них, то есть чаще других методов⁵⁶.

В настоящий момент сценарирование широко применяется, в том числе как методика определения маркетинговой стратегии, оценки стоимости бренда, повышения креативности и инновационности маркетинговых подразделений⁵⁷. Впрочем, сценарирование продолжает быть актуальным методом исследования и для политической науки, эффективным методом политического анализа для лиц, принимающих политические решения⁵⁸.

Сутью метода сценарного анализа является составление нескольких сценариев развития ситуации. Как правило, составляется не менее трех, но и не более четырех-пяти сценариев. При этом следует принять во внимание, что, если сценариев три, возникает искушение использовать «средний» сценарий как базовый, наиболее вероятный, как прогноз развития ситуации (по этой же причине теоретики и практики сценарного анализа не рекомендуют ранжировать сценарии по степени вероятности их осуществления). А в том случае, если предложенных сценариев больше четырех, то внимание исследователя рассеивается и полезность применения методики снижается⁵⁹. Исследователи также указывают на то, что сценарии должны «ломать старые стереотипы»⁶⁰, расширять представления потенциальных заказчиков сценариев о реальности.

---

⁵⁵ Schwartz P. *The Art of the Long View. Planning for the Future in an Uncertain World*, 1998.

⁵⁶ Статистика приводится по V.I.Laetia. *A Survey of Methods of Futures Research*. Institute for Research Development, Pretoria, 1973.

⁵⁷ См., например, *Scenarios in Marketing. From Vision to Decision*. Ed. by Gill Ringland and Laurie Young, 2006, *Scenarios for Success. Turning Insights into Action*. Ed. by Bill Sharpe and Kees Van der Heijden, 2007.

⁵⁸ См., например, Ringland, Gill. *Scenarios in Public Policy*, 2002.

⁵⁹ Schwartz, Peter. *The Art of the Long View. Planning for the Future in an Uncertain World*, 1998, P. 247–248, L. Nordfors. "The Power of Narrative" in *Scenarios for Success. Turning Insights into Action*. Ed. by Bill Sharpe and Kees Van der Heijden, 2007, P.199.

⁶⁰ Schwartz, Peter. *Op.cit*, P. 248.

Кроме того, для того, чтобы читателю или заказчику сценария можно было глубже погрузиться в предложенные ему сценарии, они часто неставляются в форме литературных произведений, повестей, рассказов или эссе. Небезосновательно считается, что «сила нарратива» усиливает воздействие сценария⁶¹.

Сценарный анализ неоднократно применялся для анализа современной российской политики. В 1990-е годы одним из самых распространенных и довольно вероятным сценарием развития был сценарий распада России в результате высоких социальных издержек реформ и роста самостоятельности регионов при продолжавшемся ослаблении федерального центра. Этот сценарий сыграл немаловажную роль для развития России. Дело в том, что он стал своеобразной «страшилкой» для определенной части политического класса России (условно — «державников»), в результате чего дискурс сохранения территориальной целостности страны стал преобладающим в сознании политической элиты России в начале 2000-х годов. Поэтому первыми действиями Владимира Путина на президентском посту стали ограничение полномочий российских регионов, отсюда, в частности, название российской партии власти — «Единая Россия» — и так далее. На мой взгляд, значительную компоненту политического курса Владимира Путина составляла стратегия противодействия сценарию распада России.

Среди основных авторов, применявших метод сценарного анализа с конца 1990-х годов, можно выделить участников Клуба 2015 (в том числе, аналитиков фондов ИНДЕМ, «Полития» и др.), Бориса Кузика, бывшего директора Московского Центра Карнеги Эндрю Качинса. Остановлюсь лишь на некоторых особенностях исследований вышеперечисленных авторов.

Интересными и оригинальными попытками применения сценарного анализа можно назвать работы Клуба 2015 в которых предлагались средне- и долгосрочные общие и «отраслевые» сценарии развития России до 2015 года, и прежде всего исследование «Сценарии для России»⁶². Среди недостатков этих исследований можно назвать неприкрытую идеологическую направленность работ Клуба, среди очевидных достоинств — серьезную методологическую проработку, привлечение к разработке сценариев значительного числа экспертов в различных областях знания, попытку организовать серьезную общественную дискуссию по поводу разработанных сценариев. Тогда как в работах Клуба 2015 сценарии составлялись на сравнительно небольшие временные периоды (10–15 лет), в монографиях «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва» и «Россия в пространстве и времени» директора Института экономических стратегий Бориса Кузика⁶³ рассматриваются более длительные исторические периоды и предлагаются стратегические сценарии развития России.

Недавней «нашумевшей» попыткой очертить сценарии развития России до 2017 года является доклад бывшего директора Московского Центра Карнеги Эндрю

---

⁶¹ L. Nordfors. Op.cit.

⁶² Сценарии для России. М., 1999.

⁶³ Кузык Б. «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва», М. 2005, «Россия в пространстве и времени», 2004.

Качинса «Alternative Futures for Russia to 2017»⁶⁴. В качестве одного из альтернативных будущих России исследователь предложил сценарий, согласно которому незадолго до сложения полномочий Президент России Владимир Путин погибает от пули снайпера, что приводит к кардинальным изменениям функционирования российской политической системы. В комментариях к собственному сценарию Качинс подчеркивает, что его основной исследовательской задачей было продемонстрировать, насколько российская политическая система зависит от одного фактора, от «фактора Владимира Путина».

Среди исследований России, базирующихся на сценарном анализе, можно также выделить научно-образовательный проект «Сценарирование развития России в контексте трансформации международной среды», реализуемый в настоящее время в МГИМО (У).

Мне представляется, что использование сценарирования могло бы быть продуктивным инструментом как прикладного политического анализа, так и политической теории в целом. Дело в том, что одной из ключевых характеристик современной российской политической системы является высокая степень непредсказуемости и неопределенности. В условиях, когда ключевые политические решения принимаются узким кругом лиц, а иногда одним человеком, описать возможное развитие событий становится практически невозможно. Достаточно вспомнить то, что вплоть до середины декабря 2007 года не было ясности по вопросу личности преемника Владимира Путина на посту Президента Российской Федерации. В этой ситуации любое кадровое решение и даже увеличение количества информационных сюжетов об одном из приближенных Владимира Путина становились поводом для того, чтобы рассматривать этого человека в качестве будущего Президента России.

В этих условиях большая часть методов политической науки, с помощью которых ученые и политические аналитики пытаются спрогнозировать развитие ситуации, оказывается неприменимыми. Например, в условиях подконтрольности большинства СМИ Кремлю или околоскремлевским структурам, искажений в подаче информации и слабой степени подотчетности политических элит российскому обществу, такие прикладные методики политического анализа, как контент-анализ и ивент-анализ вряд ли могут быть применены. По тем же причинам зачастую невысоким аналитическим потенциалом обладают и возможные формы экспертного анализа, включая экспертные опросы и интервью, Делфи-анализ и т.д. Так, предсказать осенний кризис российской экономики еще в конце 2007 года не смог ни один из экспертов-аналитиков крупнейших консалтинговых компаний, действующих в России.

В подобной ситуации именно сценарирование является таким методом анализа политической ситуации и прогнозирования ее развития, применение которого может дать результаты даже в условиях «закрытости», непрозрачности государства и политической системы в целом. Составление сценариев — альтернативных вариантов развития политической ситуации — позволяет снизить стратегическую неопределенность в целях стратегического планирования⁶⁵. Сценарии позволяют расширить

---

⁶⁴ Andrew C. Kuchins. *Alternative Futures for Russia to 2017*, 2007. www.csis.org/media/csis/pubs/071214-russia_2017-web.pdf

⁶⁵ Enzer, cit. in John Tydeman. *Futures methodologies handbook. An overview of futures research methodologies and techniques*, 1987.

представления о текущей политической ситуации, акцентировать важность того или иного фактора, влияющего на политическую ситуацию, продемонстрировать альтернативные варианты развития ситуации. Необходимо отметить, что, хотя сценарии могут использоваться как инструмент политического прогнозирования, они сами по себе должны рассматриваться не в качестве прогнозов, а как альтернативы будущего, которые необязательно сбудутся. Они дают представление о тех альтернативах политического развития страны, которые могут быть описаны только классической формулой «политика — это искусство возможного». Вариантов развития ситуации всегда значительно больше, чем предполагается, и тот сценарий развития, который реализуется, зачастую опрокидывает представления о развитии большинства. Классическим примером недоверия к нестандартным сценариям является реакция американского генералитета на предложенный в 1940 году генералом Риджвеем сценарий внезапной атаки японских вооруженных сил на американскую базу в Перл-Харборе. Этот сценарий рассматривался как совершенно невероятный, однако менее чем через год он реализовался⁶⁶.

Сценарирование может быть хорошим инструментом для изучения российской политики. Метод сценарного анализа позволяет обобщить результаты, полученные с помощью других методов и методик анализа, и именно сценарии могут обеспечить «методологическое единство исследованиям будущего»⁶⁷.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что сценарирование может и должно использоваться не только для исследования политики, но и для ее «делания», прежде всего в целях выработки стратегических решений. Пока применение сценариев в российской политике ограничивается созданием «страшилок» для власти и оправданием «закручивания гаек» (например, сценарии распада России или «оранжевой революции в России»). Приходится констатировать, что на сегодняшний момент потенциал сценарного анализа практически не используется для разгадки Русской тайны.

---

⁶⁶ Dewar J. A. Assumption-based Planning: a Tool for Reducing Avoidable Surprises, 2002

⁶⁷ Bell W. Foundations of Future Studies, Volume 1, 1996

Политические риски в контексте мировой политики и международных отношений

Л. И. Закирова

Риск по праву принадлежит к немногочисленной группе явлений, развитие которых можно проследить на протяжении всей человеческой истории. Упоминание риска в той или иной форме можно встретить в трудах практически всех философов, мыслителей, ученых, которые занимались исследованием общества в целом, и местом индивида в нем. Это, естественно, связано с тем, что ни одна, претендующая на объяснение картины мира теория, по определению не могла упустить из виду один из смыслообразующих факторов человеческой жизни. Однако помимо этого, риск привлекал своей неизвестностью, неочевидностью и неуловимостью. Риск в современном понимании слова возникает с появлением рационального индивида, принимающего решения. Есть несколько понятий, которые онтологически связаны с риском: опасность vs. безопасность, неопределенность, вероятность, стратегии и сценарии развития, потенциальные возможности. Проследить взаимосвязь каждого из этих понятий с риском представляется крайне важным, поскольку это позволит сформировать системное понимание самого риска.

Во-первых, обратимся к соотношению риска и опасности. Первое — это осознанный продукт человеческой деятельности, т.е., это деятельность по результатам оценки второго, существующего объективно. Риск, таким образом, есть мера осознаваемой опасности. Подтверждение этой мысли можно найти в работе немецкого социолога Н. Лумана «Понятие риска»⁶⁸. По Н. Луману, отличительной особенностью риска является неразрывная связь с процессом принятия решений. На похожих позициях стоят и многие отечественные исследователи риска. В массовом сознании распространены суждения о риске как о возможной опасности или неудаче⁶⁹, это обусловлено тем, что издавна люди связывали степень вероятности наступления событий с их опасностью.

⁶⁸ Луман Н. Понятие риска. THESIS No. 5, 1994. стр. 143.

⁶⁹ Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. стр. 17.

Во-вторых, соотношение риска и вероятности. Возможность непредсказуемого развития событий можно рассматривать как результат неосведомленности, т.е., недостатка информации. В условиях полной информированности не может быть неопределенности. Из этого следует, что риск — это мера ошибки при оценке вероятности. Ясно также, что эти ошибки неизбежны, поскольку понятия Современность и неопределенность практически синонимичны. Еще одна формула соотношения риска и вероятности была выдвинута упоминавшимся выше Н. Луманом: риск вычисляю путем перемножения степени ущерба и вероятности ущерба⁷⁰.

Очевидно, самое страшное видение не опасно, если оно маловероятно. Подтверждением тому служат и слова великого политика кардинала Ришелье: «Вред, который может наступать лишь изредка, должно почитать вообще несуществующим»⁷¹. Таким образом, понятие риска включает в себя вероятностный аспект.

В-третьих, риск это обратная сторона безопасности. В современном мире, жизнь в котором неразрывно связана с понятием риска, большое внимание уделяется проблемам безопасности индивида, общества, информации, технологий. Но в связи с тем, что человек всего лишь реагирует на вызовы, ищет противоядие от уже наступающей болезни, становится понятно, что безопасность относительна, тогда как риски абсолютны. Наиболее ярко это наблюдается в исследованиях Уркварта и Хайльмана⁷²: в период за 1907–1977 было достигнуто значительное снижение рисков для человеческого здоровья⁷³, улучшилось качество жизни, увеличилась ожидаемая продолжительность жизни, снизилась детская смертность. Тем не менее, это все относительные успехи, поскольку технологии достаточно быстро сменяют друг друга: через несколько десятилетий после изобретения одних медикаментов выясняет-

---

⁷⁰ Луман Н. Понятие риска. THESIS No. 5, 1994. стр. 144.

⁷¹ Луман Н. Понятие риска. THESIS No. 5, 1994. стр. 143.

⁷² Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. THESIS #5, 1994. стр. 112.

⁷³ Известный британский исследователь Э. Гидденс приводит полный список из исследования Уркварта и Хайльмана: безопасная питьевая вода, канализация, гигиена приготовления пищи, пастеризованное молоко, замораживание, центральное отопление, широкое распространение научных основ питания, широкое распространение научных основ личной гигиены, искоренение основных паразитарных болезней, в том числе малярии, контроль над разносчиками инфекций — грызунами и насекомыми, постоянное совершенствование дорожного и послеродового ухода, постоянное совершенствование ухода за младенцами и детьми, постоянное совершенствование лечения инфекционных заболеваний, постоянное совершенствование хирургического лечения, постоянное совершенствование анестезии и интенсивной терапии, широкое распространение научных принципов иммунизации, практическое применение переливания крови, организация в больницах подразделений интенсивной терапии, постоянное совершенствование и распространение диагностических процедур, постоянное совершенствование методов лечения рака, постоянное совершенствование методов лечения артритов, доступность и практическое применение методов планирования семьи, совершенствование и легализация методов прерывания беременности, широкое распространение методов охраны и безопасности труда, ремни безопасности в автомобилях, постоянное совершенствование методов профилактики стоматологических болезней, нарушений зрения и слуха, признание вредными для здоровья курения, ожирения, гипертонии, малоподвижного образа жизни. Данное исследование показывает, что произошло кардинальное улучшение качества жизни, врачи и ученые научились бороться со многими рисками для жизни человека, однако сегодня очевидно, что на место прежних рисков пришли новые. Таким образом, риск, обращенный в будущее, по-прежнему остается вызовом, на который не сразу находится адекватный ответ.

ся, что препараты, применявшиеся для лечения тех или иных заболеваний, сами по себе опасны, продукты питания могут быть генномодифицированными, а общество сталкивается с новыми типами вирусов и эндемических болезней. Таким образом, относительность безопасности не может устоять перед абсолютностью риска, ценой которого является человеческая жизнь.

Риски, являясь обратной стороной безопасности, привлекали к себе внимание и крупнейших политических и социальных философов современности. Так, М. Фуко в нескольких статьях⁷⁴ и интервью упоминает о сокрушительном характере современных рисков и о бессилии систем контроля, которые, якобы, призваны обеспечивать безопасность и стабильность общества. Для Дебора Лаптона, одного из ярких последователей М. Фуко риск сам по себе является регулятивной силой, с помощью которой общества и индивиды подвергаются постоянному наблюдению и управлению.

В свою очередь такие исследователи как Э. Гидденс, У. Бек и другие, посредством понятия «риск» происходит колонизация будущего, и чем больше составляется возможных сценариев, тем больше будущее выходит из-под контроля. Прогнозируемые и моделируемые события которых нет и, возможно, никогда не случится оказывают влияние на наше настоящее и, соответственно, будущее. Для Э. Гидденса⁷⁵ понятие рисков является логичным следствием его размышлений относительно Современности. З. Бауман⁷⁶ связывает риски с развитием современного общества и его неспособностью осознать свой разрушительный потенциал в условиях отсутствия моральных ограничителей.

Общество риска — это общество, в котором индивиды живут во все более усложняющемся технологическом окружении, которое никто не понимает полностью и до конца. Логичным следствием является повышенное внимание и уважение к экспертам, которые могут разъяснить те или иные события и явления. Власть экспертов в обществе, как способ контроля, о чем неоднократно говорил в своих интервью М. Фуко, становится обратной стороной риска и единственным предохранителем системы. Карл Поппер считал, что базовая рациональность науки — это то, чему индивид учится в результате ошибок. В условиях риска ошибка означает взрыв на заводе, генные мутации. Это значит, что ученым больше нельзя допускать ошибки, поскольку их стоимость слишком велика.

У. Бек, по праву, считается автором концепции общества риска, наиболее последовательным исследователем той лаборатории, за которую никто не отвечает и за экспериментами в которой никто не наблюдает. По его мнению, риски создаются внутри системы по причине того, что система стремится контролировать процессы модернизации, одной из целей которых является установление контроля над рисками. Только в этот момент, по мнению У. Бека, можно начать говорить о политической карьере рисков, о политизации рискового пространства.

⁷⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть Ч.З. М.: Практикс, 2006. Статьи: Мишель Фуко: безопасность и государство. Стр. 43–51; Эволюция понятия «опасный индивид» в судебной психиатрии XIX века. Стр. 113–143; Безопасность, территория, население. Стр. 143–151; «Вы опасны». Стр. 237–241.

⁷⁵ Giddens A. The consequences of modernity. Standford Press, 1990. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. THESIS No. 5, 1994. стр. 107.

⁷⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под редакцией В.Л.Иноземцева. М.: «Логос», 2002.

В марте 1996 года в Лондоне была проведена крупная конференция по теме «Политика общества риска», в ходе которой широко обсуждались идеи двух современных социальных философов Э. Гидденса и У. Бека. На основе их идей началось становление теоретического дискурса риска.

Так, английская исследовательница Джейн Франклин считает, что в современном обществе риск стал динамичной силой, движущей к переменам, своеобразным двигателем перемен. В отличие от многих других теоретиков Дж. Франклин отмечает позитивную сторону общества риска: «Сама концепция общества риска открывает индивиду и обществу перспективы. В отличие от исполненного скептицизма и отчаяния постмодернизма, общество риска характеризуется внутренней и внешней динамикой и реалистичной, но все-таки наполненной надеждой политикой»⁷⁷. Такой подход показывает, что возможности являются обратной стороной риска.

Многие исследователи, анализируя риски, неизбежно приходят к изучению процессов глобализации и модернизации. Переход из одного статичного состояния в другое сопровождается повышенными рисками и нестандартными возможностями, характерными для переходных состояний.

Глобализация ассоциируется с ощущением политического фатализма и постоянной угрозы того, что подлинные масштабы современных социальных и экономических изменений превосходят способность национальных правительств или граждан контролировать, оспаривать или оказывать сопротивление этим изменениям⁷⁸. Подобное заявление авторов книги о глобализации свидетельствует, во-первых, о том, что темпы изменений неподконтрольны человеческой и политической воле, во-вторых, что масштаб возможных потерь настолько велик, что не учитывать их вероятность равнозначно согласию на несовместимые с дальнейшим существованием системы потери. В-третьих, ощущение политического фатализма все больше подталкивает лица, принимающие решения, к позиции пассивных наблюдателей, а не активных деятелей, что, в свою очередь, не может не сказаться на качестве политики и принимаемых решений.

Кроме того, в огромном потоке современных событий и явлений все труднее различить политические по природе: потому как у социального события могут быть культурологические, политические и экономические последствия. Политическое приобретает новые характеристики, которые выпадают из традиционных представлений о мире политического.

Английский философ и социальный теоретик Энтони Гидденс неоднократно подчеркивает, что общество риска — это то общество, которое существует после природы и после традиции. В современных условиях человек испытывает на себе последствия того, что он сотворил с природой, а не того, что природа делает с человеком: ежегодные ураганы, тайфуны, землетрясения, последствия глобального потепления пр. Отказ от традиции означает, что жизнь больше не воспринимается как судьба. Как следствие, с одной стороны, человек может рассчитывать на собственную волю и способности, но с другой стороны, не защищен, прежде всего, психологически от многочисленных опасностей. Общество риска заставляет индивидов оператив-

---

⁷⁷ The Politics of Risk Society. Polity Press, 1998. Jane Franklin, p. 1.

⁷⁸ Д. Хэлд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Глобальные трансформации. М. Праксис, 2004. Стр. 1.

но принимать решения в ситуации неопределенности последствий. Таким образом, риски мультиплицируются за счет непредвиденных сценариев, которые могут быть привнесены неопределенностью.

Современный этап развития мировой политики характеризуется:

- Увеличением числа возможных сценариев развития событий (эскалации кризисов, поведения тех или иных политических акторов, вариантов принимаемых решений).
- Ускорением мировых политических процессов. Динамичность мировой политики объясняется отчасти возможностью установления мгновенной коммуникации.
- Увеличением числа акторов, способных оказывать существенное влияние на развитие той или иной ситуации.

Все вышеперечисленные факторы непосредственно влияют на рост рискогенности современного мира.

Дискурс риска начинается там, где заканчивается вера в разум, прогресс и безопасность.

Глобализация создает новый тип победителей и проигравших в глобальной экономической гонке. Многие исследователи сегодня ставят под сомнение традиционное деление Север-Юг⁷⁹, разделение все больше проявляется внутри государств, выстраивается новая многомерная структура мировой экономики, развитию которой способствует появление электронных и технических разработок, поступление капиталов на развивающиеся рынки, вывод производств из развитых в развивающиеся страны, интенсификация мировой торговли.

Такие исследователи, как Омае, Гидденс, Харви, выделяют «уплотнение пространства и времени» как одно из проявлений глобализации. Исследователи глобализации⁸⁰ выделяют четыре параметра, которые отображают организационный профиль глобализации: инфраструктуры, институционализация, стратификация и виды взаимодействия. Эти параметры обнаруживают политические риски. Инфраструктуры обеспечивают движение глобальных потоков, существование структур. Инфраструктуры могут облегчать или усложнять взаимодействие, повышать или понижать степень интенсивности глобальной коммуникации. Риски в инфраструктурах проявляются, прежде всего, в потоках коммуникации, искажении сигналов, поступающих от одной системы к другой, появлении или исчезновении дополнительных преград во взаимодействии.

Институционализация — это закрепление повторяющихся норм, практик, способов взаимодействия. Проблема инфраструктур и институционализации тесно связана с темой власти. Под властью в данном случае понимается возможность менять договоренности, устанавливать правила и нормы, а также владение необходимыми для этого ресурсами (материальными и символическими).

Стратификация обладает пространственными и социальными характеристиками. Социальная стратификация показывает неравномерность распределения ресурсов и благ среди представителей обществ и является источником социальных рисков. Пространственное деление является источником геополитических (межстрановых)

⁷⁹ Д. Хэлд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Глобальные трансформации. М. Праксис, 2004. Стр. 4.

⁸⁰ Д. Хэлд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Глобальные трансформации. М. Праксис, 2004. Стр. 22–25.

и региональных рисков и показывает неравномерность развития регионов, разную скорость процессов модернизации.

Формы взаимодействия — это те способы, посредством которых осуществляется коммуникация внутри системы и вовне. В разные периоды доминируют экономические, политические или военные способы взаимодействия в зависимости от задач и степени эффективности каждого из них. Ошибочный выбор формы взаимодействия сказывается на повышении вероятности неудачной коммуникации, что существенно дестабилизирует систему. Известно, что в эпоху западной экспансии в конце XIX века империализм и военная мощь были преобладающими формами и инструментами глобализации, тогда как в конце XX века экономические и финансовые механизмы, конкуренция и кооперация, по-видимому, имеют приоритет перед военной силой⁸¹. Однако с американским исследователем Морсом, написавшим эти строки в 1976 г., можно со всей обоснованностью не согласиться. На примере развивающегося сегодня глобального экономического кризиса, родиной которого являются США, можно сделать вывод о том, что экономические и военные формы взаимодействия тесно переплелись, равно как трудно различимы внутри- и внешнеполитические меры и цели.

Государству для эффективной реализации внешнеполитической стратегии необходимо проанализировать возможные сценарии поведения партнеров и конкурентов на внешнеполитической арене. Во внешнеполитическом моделировании, материалы для которого поступают в результате многофакторного анализа, часто применяется теория игр.

При оценке рисков эксперты обычно ориентируются на индикаторы стабильности, транспарентности, ресурсной обеспеченности для проведения желаемой политики и иные показатели, характеризующие положение страны (или компании) в конкретный момент. необходимо обращать внимание на определенные факторы, как внутренние, так и внешние. В первую очередь необходимо рассмотреть факторы политического риска в стране, причем понятие политического риска имеет расширительную трактовку, однако сосредоточено вокруг тех угроз, которые могут принять политическую форму. Факторы, влияющие на риск, могут быть поделены на профильные и фоновые в зависимости от уровня значимости, приоритетности среды и влияния данного фактора на принятие решения.

Внутренние факторы:

1. Стабильность ситуации. Наличие/отсутствие конфликтов. Контроль над ситуацией.
2. Однородность элиты (реакция со стороны контр-элиты на принятые решения).
3. Потенциал существующей власти (сроки президентства, способы передачи власти)
4. Наличие четкой стратегии развития, гибкость стратегии.
5. Безопасность принятия решений и потенциал реализации принятых решений.
6. Бюрократические проблемы, проблемы с толкованием законодательства, транспарентность/нетранспарентность процессов. Наличие независимого арбитража.
7. Экономическая конъюнктура (благоприятное/неблагоприятное развитие ситуации: уровень инфляции, торговый баланс страны, бюджетная задолженность и т.д.).

---

⁸¹ Д. Хэлд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Глобальные трансформации. М. Праксис, 2004. Стр. 25.

Внешние факторы:

1. Отношения в регионе (потенциал влияния в регионе). Наличие/отсутствие конфликтов, напряженности, неурегулированных споров.
2. Отношения с международными организациями.
3. Имидж страны — насколько успешно производится позиционирование в пространствах (политическом, экономическом (платежеспособность и «положительная кредитная история»), медиа)
4. Мировая экономическая конъюнктура (мировые цены на ресурсы, соотношения основных валют и др.)

Целью большинства методик является нахождение экстремумов функции, неких точек максимума и минимума, в которых открываются новые возможности или наступает состояние кризиса и упадка. Эти точки показывают запас прочности системы. Стресс-анализ для определения политических рисков бывает осложнен трудностями в сборе достаточной по объему и релевантности статистической информации. Именно поэтому большинство современных так называемых «мозговых центров» (think tanks) начиналось с составления баз данных, проведения классификаций по различным признакам и поиска корреляций и зависимостей между экономическими и политическими факторами и переменными⁸².

Для понимания современной природы рисков крайне важно понять, как развивалось то, что сегодня считается современной социальной системой, какие этапы модернизации прошло общество, прежде чем достичь современного состояния. Итак, Дж. Франклин выделяет две фазы становления современности. В ходе первого этапа, сопровождавшегося процессами индустриализации, отказом от религии и преклонением перед рациональной логикой, разумом и просвещением, индивид шаг за шагом завоевывал право на самостоятельность, независимость, рациональность, свою правосубъектность, стремился понять и использовать себе на благо законы природы. Второй этап уже начался, но его невозможно охарактеризовать с использованием существующего понятийного и методологического аппарата. Многие процессы внешне выглядят по-прежнему, однако, институты функционируют согласно новой логике и это становится понятным только тогда, когда, казалось бы, проверенные сценарии начинают давать сбои. Дж. Франклин предлагает, прежде всего, создать адекватный инструментарий, с помощью которого можно было бы анализировать и описывать современное общество и его характеристики. Ясно одно, что современное общество — это общество атомизированных индивидов, общество «после природы и после традиции».

Модернизационные и глобализационные процессы все более усложняют процесс оценки рисков, ускоряя саму жизнь. Как следствие, постоянно сокращается время на реагирование и принятие решений.

В рамках общепринятой парадигмы уровней анализа риски могут быть рассмотрены на глобальном, международном (межгосударственном) и локальном (внутри-страновом) уровнях. В современных условиях риски глобального и международного уровня имеют локальное воплощение, а локальные риски могут иметь своим резуль-

⁸² Со сбора информации начиналась знаменитая The Rand Corporation, Global Risks Group, Economist Intelligence Unit и многие другие.

татом события международного и глобального масштаба. В связи с этим привычная когнитивная рамка уровней анализа становится если не вредной, то бесполезной. Природа рисков разных уровней может быть различна: так, финансово-экономические глобальные риски могут результироваться в политическую нестабильность внутри государств, и внутренние политические риски имеют внешнеэкономические последствия. Примером первого может быть глобальный финансовый кризис и его влияние на политику отдельных государств, примером второго окончание очередного электорального цикла в Америке и выборы нового президента США.

В последнее время широкое распространение получили междисциплинарные исследования: они наиболее приближены к реальности, хотя, с точки зрения методологии представляют собой эклектичное сочетание различных парадигм и концепций — экономических, политологических, философских, социологических, культурологических и т.д. Задача исследования, таким образом, сводится к вычленению и анализу политического в совокупности рисков, а не поиску политических рисков как таковых. Признавая контекстность анализа, исследователь, с одной стороны, получает более многомерную картину мира, но с другой стороны, на него ложится ответственность по ранжированию значимости факторов, что многократно усложняет анализ.

В заключение необходимо отметить особенные черты, которые важно принимать во внимание при анализе политических рисков в контексте мировой политики и международных отношений:

Современный мир все более насыщен разнообразными рисками, природа которых не всегда очевидна и ясна для индивида. Более того, многие риски имеют отложенное действие, что делает невозможным адекватную оценку угроз. Например, до сих пор ведутся дискуссии, насколько опасно употреблять в пищу генномодифицированные продукты. В современных условиях одно экспертное мнение наталкивается на другое, но дать четкий ответ невозможно, поскольку, во-первых, длительность этого эксперимента измеряется жизнью как минимум двух-трех поколений, а во-вторых, сложно выделить влияние конкретного факта употребления продуктов в постоянно ухудшающихся экологических условиях, повышенного радио- и электроизлучения, воздействия химических веществ и др. Более того, экологическая карта постоянно разыгрывается в политической и партийной борьбе, что делает тему еще более размытой, так как невозможно отделить реальные научные факты от их общественно-научной трактовки в целях манипуляции общественным сознанием, а последствия становятся все менее предсказуемыми. Индивид оказывается заложником спора политиков и экспертов, причем ресурс доверия и к первым, и ко вторым снижается до минимального уровня.

Тем не менее, попытки теоретического осмысления природы риска и факторов, при которых политическое в риске начинает влиять на принятие решений, формирование государственной политики, развитие международных отношений и вырисовывание контуров мировой политики, представляют собой тот пласт исследований, которые необходимы для понимания Современности и формулирования новой теории, позволяющей адекватно описать текущие процессы.

Идентичность в контексте глобализации и интеграции

А. А. Козко

На протяжении всей истории — со времен античности и вплоть до настоящего времени, проблема отношения человека к миру политического сохраняла свою актуальность. Связано это, прежде всего, с тем, что отношения людей между собой, равно как и их отношение к политическим институтам во многом определяются ролевыми установками, правилами и нормами поведения, принятыми в данном обществе в конкретный исторический момент. Будучи продуктом имеющихся традиций и установлений, само-восприятие индивидов, в свою очередь, оказывает влияние на всю систему власти. Это во многом объясняет, почему внешне сходные или даже идентичные по своим функциям институты отличаются заметным разнообразием в стиле и способах деятельности, а также в уровне своего развития в зависимости от специфики того или иного общества. Что же тогда является независимой переменной? И почему политическое сообщество оказалось расколотым на два лагеря, отстаивающих в качестве базовых две равновеликие независимые переменные — политическую культуру и политическую идентичность?

Предметом моего научного интереса является проблема раскрытия роли, особенностей и специфики формирования, а также степени влияния политической идентичности на современный внешнеполитический процесс в Италии.

Как известно, единого определения идентичности не существует, более того, оно, по-видимому, относится к «сущностно оспариваемым понятиям» (В. Гэлли), то есть допускает различные концептуальные интерпретации и «плавающее», в зависимости от исторического и культурного контекста «ядро»⁸³. Так, идентичность в обычном научном дискурсе означает (*лат.* *identificare* — отождествлять, *позднелат.* *identifico* — отождествляю) — соотносённость чего-либо («имеющего бытие») с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве («наблюдателем»), рассказывающим о ней себе и «другим» с целью подтверждения

⁸³ Gallie, W. B. *Essentially Contested Concepts* // Gallie, W. B. *Philosophy and Historical Understanding*. NY: Shocken Books. 1968. P. 157–191.

ее саморавности). «Соответствие, мыслимое в совершенстве, есть идентичность» (Брентано). Понятие идентичности, поэтому, тесно связано со становлением понятия «индивидуальное» («отличность в своей единичности», «индивидуальность», «личность») в различных дисциплинарных контекстах, а также с конституированием в европейской традиции дискурсов «различия», «инаковости», «аутентичности» и «Другого». «Соответственно моя идентичность, а именно моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа, может быть устойчивой лишь в том случае, если я получу подобного рода подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность» (Хабермас).

Таким образом, в научной литературе сложилось три дисциплинарно различных и автономных, хотя и соотносимых друг с другом, понимания идентичности.: 1) в логике (неклассической); 2) в философии (прежде всего неклассической и, главным образом, постклассической); 3) в социогуманитарном (социология, антропология, психология) знании (отчетливо артикулированном еще в 1920–1930-е, а с конца 1960-х занявшем одно из центральных понятий большинства культур-ориентированных дискурсов).

Рассматриваемая нами политическая идентичность сосуществует и пересекается с социальной, гендерной, индивидуальной, корпоративной, коллективной, национальной, государственной и т.д. идентичностью.

Проблема идентичности приобрела особое значение в постмодернизационном контексте. Основываясь на теориях Р. Рорти, Ф. Лиотара, М. Фуко и др., многие современные теоретики политики начали размышлять над неединственностью западного (точнее, англо-саксонского пути) развития, возможности особого пути развития на основе традиций, иного взгляда на возможность преодоления разрыва между средневековым и доковским человеком. В применении к бывшему «третьему» (в более современной терминологии развивающемуся, зарождающемуся) миру, результаты западноцентричной модели оказались, как минимум, амбивалентными: с одной стороны, возникло мощное критическое течение, ставящее под сомнение право Запада диктовать свою волю, поддерживающее локальные культуры и «другие» цивилизации; с другой стороны, многими исследователями фиксируется стремление самого Запада к сохранению статус-кво и безразличия к состоянию «маргиналов». В постмодернизационных теориях основной акцент делается на противопоставлении локального универсальному, признании множества путей развития, допустимости самых разных трактовок крайне фрагментарного идейного поля. Элиты «отстающих» государств, привлеченные модной риторикой постмодернизма, а также декларируемыми социальными теориями, приступили к созданию собственных «постмодернизационных» теорий; другие — наоборот, выдвинули идею неомодернизма — нового витка модернизации в «догоняющем» контексте⁸⁴. Наряду с этим, обычно делаются реверансы в адрес глобализации, однако скорее как дань интеллектуальной «моде», поскольку основной интерес все же сосредотачивается на локальном и маргинальном в развитии.

Определенные сложности возникают также в связи с тем, что глобализация также относится к «сущностно оспариваемым» концепциям. Напомню, что глобализацию

---

⁸⁴ Alexander J. C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the "New World" of "Our Time". // Zeitschrift für Soziologie. 1994. Jg.23. Heft 3. S. 165–197.

обычно рассматривают как процесс перехода к новому порядку, для которого, по всей видимости, будет характерен более высокий уровень гомогенности обществ и культур. В этом смысле она противоположна тенденциям к фрагментарности и локальности, связанной с постмодернизмом.

Проблема идентичности рассматривается в контексте глобализации, как правило, опосредованно — с одной стороны, как способ подтверждения тезиса о снижении значения национальных государств и своего рода компенсации за размывание и превращения в более прозрачные государственных границ; с другой, — как процесс «перелицовки» под влиянием динамизма и привлекательности западных ценностей и образа жизни своей национальной исторической идентичности в незападном мире. Таким образом, глобализация, трансформируя одну идентичность, заставляет людей начать поиск другой. Это выражается в переписывании и реинтерпретации собственной истории, поиске своего места в новой геополитической конфигурации, обесценении собственного культурного наследия. В качестве протеста против такого рода деформаций и можно рассматривать обращение к своим «корням», поиск новой национальной идентичности.

Ранние интерпретаторы глобализации обращали внимание на культурные изменения, стимулированные глобальными процессами, в том числе, распространением идентичных потребительских товаров и соответствующего всепроникновения американской культуры. Распространенная, главным образом, американскими транснациональными корпорациями «американизация» образа жизни понималась как наступление на местные культуры, поощряя граждан стать «потребителями», покупать американские товары и услуги. Это был тройкий процесс: медиа-революции, роста консьюмеризма, а также постепенной эрозии национальных культур и ценностей. Так, Дж. Саурин пишет, что культура превратилась в потенциальную политическую силу, угрожающую основам ныне фрагментированной государственной системы и ее структурам, поддерживаемым не в последнюю очередь национализмом. Это происходит потому, что «культура избегает локализации и привязанности к какому-то определенному физическому пространству»⁸⁵.

Однако следует принять во внимание, что национализм и этничность — это также культурные компоненты, распространенные по всей планете, становящиеся одновременно глобализированными и глобализирующими феноменами⁸⁶. Это связано с тем, что одной из главных причин современного этнического и религиозного конфликта во многих странах становится чувствительность одной группы к тому, что делают другие группы в мире, и с этим знанием они пытаются подвинуть своих противников к борьбе за увеличение силы и влияния. Глобализация, таким образом, меняет и, зачастую весьма существенно, экономическое, политическое и культурное устройство мира и конфигурацию внутри стран и, в результате, приводит к необратимой эрозии «жестких» границ национальных государств. Глобализация устраняет способность государства полностью контролировать свое внутреннее пространство, приводя к заметной редукции силы национального государства и его способности принимать

⁸⁵ Saurin J. The End of International Relations? // Macmillan J. and Linklater A. (eds.) *Boundaries in Question. New Directions in International Relations*. London: Pinter. 1995. P. 256.

⁸⁶ Haynes, Jeffrey. *Comparative Politics and "Globalisation"* // *European Political Science. Main Features*. Summer 2003. P. 20.

определенные решения относительно своего собственного будущего. Можно сделать вывод о том, что хотя идентичность существовала и существует вне зависимости от глобализации, с течением времени сами ее характеристики видоизменяются — от индивидуальной до политической, иными словами сама идентичность «глобализуется».

В отличие от сферы сравнительной политологии, теории международных отношений уже давно пришли к согласию относительно того, что, «национальное государство переживает упадок». В конце 1960–1970-х гг. основные споры в теории международных отношений разворачивались относительно статуса государства в международной системе. Ключевой вопрос звучал следующим образом: «Устарело ли государство» (и, соответственно, государственная идентичность — А. К.)? Хотя ясный и определенный ответ так и не был получен, этот вопрос продолжал волновать исследователей.

С одной стороны, существует государство-центричная модель «государств-«бильярдных шаров»»; с другой стороны, существует также модель «клубка ниток», в основе которой лежит идея о том, что государства становятся во все большей степени взаимосвязанными и опутанными все большим числом транснациональных связей. Признав, такое размежевание, теоретики отошли на какое-то время от указанной проблемы, но вновь возвратились к ней в 1980-е гг. Большинство специалистов по теории международных отношений вновь признало, что государство продолжает оставаться наиболее значимым актором в международной системе. Еще позднее, в 1990е гг. под влиянием осмысления глобализации, теория международных отношений, как и другие социальные науки, снова начала рассматривать размывание национальных государств, но на этот раз, в контексте тезиса о глобализации.

Тем не менее, следует признать отсутствие какого-либо заметного прогресса в отношении формирования амальгамы двух аналитически разделенных универсумов. Практически нет работ, в которых содержался бы четкий и ясный ответ на вопрос, как на самом деле взаимосвязаны и обогащают друг друга процессы глобализации и интереса к идентичности, в том числе, на государственном уровне. Чаще всего, авторы ограничиваются декларациями.

По-иному встают эти вопросы в условиях европейских государств, являющихся членами европейского сообщества, в частности, такого его «старого» члена как Италия. Здесь проблему идентичности следует рассматривать сразу в двух контекстах: глобализации и интеграции в рамках ЕС. Понятно, что идея Евросоюза с самого начала мыслилась, прежде всего, как ценностная, формировавшаяся, прежде всего, вокруг христианских ценностей. В этом смысле она универсальна, по крайней мере, для данного региона. Но приверженность христианству как универсальной доктрины (нет ни элина, ни иудея, ибо перед богом все равны), отнюдь не мешала на протяжении многих столетий складыванию национальных идентичностей в рамках национальных государств. Поэтому и сегодня можно фиксировать, с одной стороны, постепенное складывание европейских ценностей как нового варианта христианского этноса, так и, с другой стороны, сохраняющийся интерес к национальным особенностям и культуре. Речь идет не об исчезновении национальных культур, а скорее об их восприятии как элемента локальной специфики. Поэтому не следует рассматривать европейскую интеграцию как каток, который все выровняет.

Таким образом, современная наука о международных отношениях, по-видимому, находится лишь в начале пути исследования данной проблемы.

Гражданское образование в мировой политике: перспективы развития с учетом гендерного фактора

С. А. Колобова

В современной мировой политике гражданское образование обретает те новые характерные черты, которые связаны с адаптацией личности к сложным реалиям глобализации. Для России данное обстоятельство имеет огромное значение поскольку трансформация современного российского общества происходит в условиях неразрешенности многих глобальных проблем. Экологический и энергетический кризис, распространение моральных ценностей общества потребления в условиях ограниченности природных ресурсов, проблемы здоровья и бедности, мобильность населения, рост национальной и расовой нетерпимости в условиях поликультурных обществ, демографические проблемы, обеспечение мира для всех народов и борьба с международным терроризмом, — эти вызовы XXI века так или иначе связаны с образованием. Образование может стать ключом к решению глобальных проблем современного мира. Чем более востребованы в общественном развитии знания людей, их опыт, умения, навыки, их профессиональные и личностные качества, тем большую роль играет образование. Совершенствование и модернизация национальных систем образования становится ведущим направлением стратегии безопасного устойчивого развития многих государств современного мира, в том числе и России.

Поскольку гражданское развитие личности представляет — собой важнейшую составляющую образовательного процесса, можно говорить о существовании мировой практики гражданского образования. В философском смысле гражданское образование есть: а) вхождение человека в мир общественных отношений, политики и права; б) освоение ценностей, смыслов и механизмов функционирования гражданского общества, политической и правовой систем; в) обретение собственного образа гражданина; г) становление духовно-нравственных качеств личности, составляющих содержание гражданственности. Для нашей страны его главная задача — формирование ответственных граждан России, разделяющих демократические ценности,

обладающих высоким уровнем гражданской культуры и гражданскими компетентностями к которым относятся;

1. исследовательская компетентность — способности, связанные с анализом и оценкой текущей социальной ситуации
2. компетентность социального выбора — способности, связанные с умением осуществить выбор и принять решение в конкретной социальной ситуации, при столкновении с конкретным и социальными проблемами
3. компетентность социального действия — способности связанные с задачами по реализации сделанною выбора, принятого решения
4. учебная компетентность — способности, связанные с необходимостью дальнейшего образования в постоянно изменяющихся социальных условиях
5. коммуникативная компетентность способности взаимодействия с другими людьми(включая толерантность), прежде всего при решении социальных проблем.

Наиболее адекватными с точки зрения становления гражданских компетентностей и гуманистических демократических ценностей являются интерактивные методы, которые предполагают взаимодействие и сотрудничество всех участников образовательного процесса в процессе решения учебных и практических задач. К этим методам относятся, например, медиации в разрешении конфликтных ситуаций, дебаты и дискуссии, ролевые игры, социальные проекты, коллективные решения творческих задач и др.

Учитывая то обстоятельство, что современный мир поликультурен, сама постановка пели гражданского образования предполагает взаимную адаптацию ценностей демократии и отечественной культуры с учётом национальных и региональных особенностей и традиций народного самоуправления.

Именно на этом пути существует возможность преодоления авторитарных доминант политической и правовой культуры, укоренения демократических ценностей и процедур в структурах повседневности. Взаимная адаптация предполагает и обращение к традиционным ценностям национальных культур, которые сохраняют свою актуальность в меняющемся мире.

В ряду гражданских ценностей особое место занимает патриотизм. Важнейшей задачей гражданского образования является преодоление искусственно созданного отрыва патриотизма от демократических ценностей, искажения его содержания недобросовестными идеологами и политиками. В многонациональной России не должно быть места ксенофобии, расовой и национальной нетерпимости. Подлинный патриотизм не исключает, а предполагает толерантность — уважительное отношение к другим людям, народам и культурам.

Обрести собственный обрат гражданина можно лишь тогда, когда в повседневной реальности востребовано гражданское поведение и умение пользоваться демократическими процедурами. Воспитать члена демократического общества возможно только в демократическом учебном заведении, поэтому одним из первых шагов к созданию адекватного образовательного пространства должно стать формирование демократического уклада жизни вуза, колледжа, школы. Одни лишь учебные занятия не способны сами по себе сформировать гражданина, тем более, если отношения в учебном заведении не являются демократическими. Гражданское образование — это своего рода социальный проект для всего учебного заведения.

Демократический уклад, как модель открытого гражданского общества, в совокупности с разнообразной внеаудиторной деятельностью, является условием, при котором только и возможно формирование гражданской компетентности и опыта активной гражданской позиции. Основными компонентами демократического уклада жизни учебного заведения могут выступать:

- Организация учебного процесса на демократических началах.
- Участие всех членов образовательного сообщества (вуза, колледжа, школы) в создании норм и правил общей жизни (локального законодательства).
- Открытость принимаемых решений.
- Наличие выборных органов управления с включением в них как преподавателей, так и учащихся и их родителей.
- Наличие социально-трудовой практики, в том числе направленной на решение проблем местного сообщества, как обязательного элемента образовательного пространства.
- Наличие разнообразных коллективных творческих дел и проектов, которые создают условия для самовыражения, самореализации, проявления индивидуальности молодого человека и взрослого.
- Наличие тесной связи с органами местного самоуправления, неправительственными организациями, общественными объединениями, с учреждениями дополнительного образования

В современных условиях всё большую актуальность приобретает создание системы непрерывного гражданского образования на протяжении всей жизни человека, которая потребует расширения круга субъектов указанной деятельности. 2005 год, был не случайно, провозглашён Советом Европы Европейским годом гражданственности через образование под девизом «Жить и учиться демократии».

Одним из приоритетов для европейских государств признано развитие общегосударственной политики в области гражданского образования. Проект государственной программы «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2006–2010 гг.», инициатива создания которой поддержана Президентом России, является адекватным ответом современным потребностям личности, общества и государства.

Эффективная реализация данной программы станет важнейшей предпосылкой становления в России гражданского общества и демократического правового государства.

В целом же, следует особо подчеркнуть, что именно гражданское образование осуществляемое в локальном, региональном, международном, глобальном масштабах на качественно ценностной основе способно «научить, людей жить вместе, жить с семьями» «открыть другого», организовать «учебу через всю жизнь». Такой подход предполагает максимальное усиление внимания ко всевозможным тендерным, полоролевым характеристикам., поскольку от них непосредственно зависит состояние многих сфер государственной деятельности России, включая и обеспечение безопасности на различных уровнях (локально, регионально и общенационально).

«Главная проблема, — подчеркивает российский исследователь С. Айвазова, — заключается в том, чтобы точно разграничить понятия пол и гендер. При употреблении понятия гендер (и его производных) речь идет о социальных, культурных, психологических особенностях позиций женщин и мужчин. В отличие от других научных

подходов сформированная на базе этого понятия концепция «гендера» рассматривает мужчину и женщину как существо социальное, со своим статусом, стратегией социального поведения. Пол же обозначает, в первую очередь, физиологические, биологические различия между мужчинами и женщинами»⁸⁷.

Один из самых авторитетных социологов современности англичанин Э. Гидденс не случайно подчеркивает, что «тендер» — это «не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально-формирующаяся особенность мужественности и женственности»⁸⁸.

Объективно, тендерное просвещение способно принести большую пользу для страны, поскольку оно — необходимый инструмент для «построения демократического общества на принципах приоритетности прав личности и поддержания истинной национальной безопасности государства: страна не может позволить себе роскошь продолжать игнорировать или недоиспользовать потенциал любого пола во всех сферах жизни». Поскольку особенности пола раскрываются в процессе развития индивида как некие «социальные ожидания» относительно поведения мужчин и женщин в обществе, то они могут быть представлены на различных стадиях просвещения, начиная со средней школы и заканчивая системой послевузовского образования.

Образование, как и любая другая социальная система, выживает лишь в условиях саморазвития. Осознание этого обусловлено осмыслением углубляющегося противоречия между состоянием воспитания молодого поколения страны и общей социокультурной ситуацией, требующей от юношей и девушек готовности к вхождению, адаптации и преобразованию современного мира с учетом их индивидуальных особенностей и потенциальных возможностей как представителей определенного пола.

Пол у человека играет огромную роль в его жизни, являясь естественной основой его индивидуальности⁸⁹. С раннего возраста бытовые установки направляют мальчика и девочку по разным дорогам воспитания, к соответствующей мужской и женской роли, к половому самосознанию. Нормы тендерного поведения в обществе, в котором продуцируются различия мужских и женских (при доминировании маскулинного над феминным) ролей, ментальных и эмоциональных характеристик, вступают в противоречие с существующим воспитанием уже в школе, когда мальчиков и девочек воспринимают как «усредненный объект». В результате, многие юноши и девушки входят во взрослую жизнь со смутным представлением о роли мужчин и женщин в обществе, что часто приводит к серьезным кризисам.

Современная ситуация в мировой политике интересна тем, что сейчас идет изменение многих существовавших до сих пор моральных тендерных стереотипов. Как понятно, моральные тендерные стереотипы в силу выполнения ими многих необходимых функций не могут полностью исчезнуть. Но многие существующие моральные тендерные стереотипы уже не отвечают изменившимся социально-культурным условиям прежде всего, претерпевшему изменения социально-правовому статусу женщин.

---

⁸⁷ Айвазова С. Тендерное равенство в контексте прав человека. М., КЖНО, 2001. С. 9.

⁸⁸ Гидденс Э. Социология. М., 1999, с. 665.

⁸⁹ См. подробнее: Берн Ш. Тендерная психология. 2-ое международное издание. СПб.: Прейм-Еврознак. М.: Олма Пресс. 2001. С. 3-318.

Теоретические проблемы анализа международных отношений и внешней политики

В результате постепенного усвоения моральных тендерных стереотипов молодой человек начинает ориентироваться в сфере отношений между полами, у него формируются устойчивые представления не только об образах мужчины и женщины (характерных моральных качествах и т.д.) но и о тех ролях, которые мужчина и женщина должны играть в обществе. Таким образом, постепенно у ребенка формируются устойчивые образы «настоящих» мужчин и женщин, в том числе и представления о том, как мужчины и женщины должны вести себя в различных ситуациях, какими добродетелями обладать и т.д.

В перспективе, используя возможности тендерного просвещения современной молодежи с раннего возраста, общество Глобального риска (Global Risk Society), возможно, обретет, настоящий «человеческий капитал», осознающий необходимость конструктивных, а не разрушительных действий в преобразовании окружающей действительности, на основе тендерного равенства, уважения прав личности, без которых невозможны устойчивое развитие и обеспечение безопасности любого государства, а Российской Федерации в особенности.

Политические основы мира в представлениях русских либералов начала XX века

К. П. Курылёв

Теоретические проблемы международных отношений в трактовке русскими либералами начала XX в. практически не затрагивался ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Исследование теоретических проблем мировой политики в воззрениях русских либералов начала прошлого столетия предполагает освещение таких вопросов, как: политические основы мира, империализм, милитаризм и колониальная политика, границы государства, право на самоопределение и национализм. Автор рассматривает данную проблематику исходя из компаративистского метода, сравнивая подходы к мировой политике трех ведущих российских либеральных партий начала XX в. кадетов, октябристов и прогрессистов, выявляя в них общее и разное, и на этой основе моделируя их видение теоретических проблем международных отношений. К сожалению, в рамках данной статьи все указанные аспекты не могут быть затронуты, поэтому остановимся лишь взглядах русских либералов на политических основах современного им мира, в рамках чего рассмотрим их отношение к проблеме войны и мира.

Обратимся вначале к воззрениям, сформировавшимся в тот период у крупнейшей либеральной партии России — конституционных демократов.

Ратуя за проведение российской властью активной внешней политики, лидеры кадетской партии уделяли большое внимание проблеме мирного и не мирного путей разрешения проблем между государствами и народами.

Как отмечает В. В. Шелохаев, теоретики российского либерализма еще до Первой Мировой войны активно разрабатывали вопросы о месте и роли войн в истории человеческого общества, о взаимозависимости между уровнем развития экономики данной страны и состоянием ее военно-технического потенциала. Большое внимание ими было уделено характеристике войн и выработке путей урегулирования международных

конфликтов⁹⁰. Пацифистские идеи о предотвращении войн, соблюдении норм международного права в отношениях между государствами, обязательном арбитраже и третейском суде для решения международных конфликтов, остановке гонки вооружения и разоружении находили благоприятный отклик в русском образованном обществе, и прежде всего в самой среде кадетов.

Отдал дань искреннему и длительному увлечению пацифизмом и лидер кадетов П. Н. Милюков. Им разделялось мнение относительно того, что войны должны прекратиться просто потому, что они невыгодны даже победителям в силу все возроставшей дороговизны и разрушительности. Как известно Павел Николаевич был членом и товарищем председателя межпарламентского «Союза мира», активным членом Санкт-Петербургского и Московского «Обществ мира»⁹¹, образованных в 1909 г., формально беспартийных, но руководимых кадетами. Основную задачу пацифисты видели в распространении своих идей, среди широких масс населения, воздействию на правительство через «Общества мира», межпарламентский союз арбитража и Гаагские международные конференции. «Общества мира» в России, поддерживали связи с аналогичными обществами в других странах и участвовали в работе международных конгрессов. По поручению Санкт-Петербургского «Общества мира» П. Н. Милюков даже прочитал цикл лекций о сущности и задачах пацифизма.

В своем исследовании «Вооруженный мир и ограничение вооружений» лидер кадетов развивал тезис о том, что завоевательная война в Европе «решительно вышла из моды». Он видел тесную связь будущего России и Европы именно в решении проблемы политических основ мира.

По мнению П. Н. Милюкова, соперничество держав, имевшее место и в прошлом, приняло в наступившем веке новые формы, более «культурные» по своей сути. Явный перевес какой-либо одной великой державы над другими стал уже невозможным. Система европейского равновесия, сложившаяся в результате создания двух военно-политических блоков, не могла стать твердой основой международного права. Она явилась лишь первой попыткой внести порядок в хаос и анархию межгосударственных отношений. Во имя равновесия совершались разделы независимых государств, растаптывались национальные права. Система равновесия всегда мирилась с несправедливым status quo. Однако прежде чем дать господство сильному над слабым, она препятствовала перевесу сильнейшего над сильным. Соединенная сила

---

⁹⁰ Шелохаев В. В. Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.). // Первая Мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. — С. 127.

⁹¹ «Общество мира» начало свою работу в Москве 5 октября 1909 г. Его председателем был избран член ЦК кадетской партии П. Д. Долгоруков, товарищем председателя — член ЦК октябристской партии Л. А. Комаровский, казначеем — член ЦК кадетской партии А. Р. Ледницкий. В состав правления московского «Общества мира» вошли: помимо П. Н. Милюкова, Ф. Ф. Коккошкин, С. А. Котляревский, С. А. Муромцев, А. Н. Брянчанинов и Н. В. Давыдов (все кадеты); И. Н. Ефремов, М. А. Стахович, Д. Н. Шипов (все члены ЦК партии «Мирного обновления»). Общая численность «Общества мира» в Москве составила в феврале 1911 г. — 300 человек, в июле 1912 г. — 231 человек, в июне 1913 г. — 309 человек. В этот же период были открыты «Общества мира» в Санкт-Петербурге (председатель М. М. Ковалевский), Ревеле (председатель П. А. Куйберг), Варшаве и Новочеркасске. В Киеве было учреждено «Общество друзей мира». Цит. по В. В. Шелохаев «Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг.». М., 1991. — С. 163. См. также «Общество мира в Москве». Вып. I. 1909–1910 гг. — С. 6; Вып. II. 1911–1912 гг. — С. 3; Вып. III. 1912–1913 гг. — С. 2.

«концерта» великих держав часто служила орудием для исполнения справедливых решений. В результате деятельности европейского «концерта», в Европе установилась атмосфера международных «привычек и приличий», которая служила оплотом против неожиданных и слабо мотивированных «аппетитов» отдельных государств и государственных деятелей⁹².

Европейская война, писал лидер кадетов, «до такой степени противоречила бы современному со стоянию взаимных европейских культурных связей и высокой сложности европейского народного хозяйства и международного обмена, что одна мысль о ней вызывает все более решительное осуждение общественного мнения передовых наций»⁹³. Тяжесть, дороговизна и сложность современной войны, необходимость заблаговременной подготовки к ней, ограничивают применение вооруженной силы лишь самыми важными причинами. Кроме того, в понимании П. Н. Милюкова, внешняя политика все активнее «выходит из сферы тайных кабинетных интриг и становится доступною контролю общественного мнения». Таким образом, устраняется «произвол и каприз властителей, личные увлечения людей, стоящих у кормила правления», и создается «благоприятная обстановка для мирного разрешения разногласий между народами»⁹⁴.

Другой опасностью, по мнению лидера кадетов, являлась коллективная психология массы с ее способностью подчиняться гипнозу минутного настроения, внушенного извне. Но и в этом случае мотивом столкновения наций мог стать правильно или неправильно понятый национальный интерес, а не династические и личные соображения. Основать идею мира на правовых соглашениях станет возможно лишь тогда, когда они будут заключены от имени народов, а не монархов. П. Н. Милюков считал, что современная война противоречит современной культуре. Она вызывается инстинктами и чувствами, которые принято считать более высокими и которые не имеют ничего общего с расчетом материальной пользы⁹⁵. По его словам, мир всегда будет висеть на волоске, если он не станет «плодом» ясно осознанной необходимости, опирающейся на общественное сознание, поддерживаемого общественным мнением⁹⁶.

Позднее, правда, следует признать, Павел Николаевич назвал свое увлечение пацифизмом и выводы о возможности изживания войн в международных отношениях «великой иллюзией», приведшей к «великому разочарованию»⁹⁷.

Таким образом, деятельность кадетов-пацифистов, (несмотря на внепартийный характер «Обществ мира», большинство их членов было представителями именно кадетской партии — К. К.) основывалась на двух принципах: на их вере в конечное торжество общечеловеческих религиозно-нравственных ценностей над предрассудками и злом, а также на их вере в то, что «человечество идет к полному прекращению

⁹² Милюков П. Н. «Вооруженный мир и ограничение вооружений». СПб., 1911. — С. 51–52.

⁹³ Там же. — С. 82.

⁹⁴ Там же. — С. 83.

⁹⁵ Там же. — С. 90.

⁹⁶ Конституционно-демократическая партия. Фракция в Государственной думе IV созыва. Отчет фракции с приложением речей депутатов. СПб., 1914. Т. 2. — С. 111–114.

⁹⁷ Милюков П. Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. — С. 150.

войн и к торжеству международного права над физической расправой народов». Обращая внимание на развитие техники, кадеты считали, что это сделает «войну в скором времени невозможной»⁹⁸.

Однако они признавали, что в условиях обострения противоречий между империалистическими державами войны все же неизбежны. Поэтому, выступая против завоевательных войн в Европе, кадеты допускали войны оборонительные. В качестве таковой, они рассматривали возможную войну России с Австро-Венгрией в поддержку справедливых требований славянских народов, и в первую очередь Сербии. Но и здесь были определенные нюансы, на которых автор останавливается ниже в соответствующем разделе работы.

По словам же председателя Московского «Общества мира» П. Д. Долгорукова, «скрепя сердце пацифисты допускают, что в современном человечестве война иногда бывает «печальной необходимостью» для обороны государства от нападения неприятеля»⁹⁹.

Действительно, было бы в корне неверным считать, что кадеты являлись противниками войн вообще. Известно, что они разделяли общепринятое в то время в буржуазной социологии, положение о фатальной неизбежности и предопределенности войн в истории человечества¹⁰⁰. Ратуя за предпочтительность политического урегулирования международных конфликтов, они прекрасно понимали, что в ближайшей перспективе войн как локальных, так и мировых человечеству избежать не удастся. Поэтому кадеты самым решительным образом выступали за укрепление военного могущества России, техническое перевооружение армии и флота, внедрение в общественное сознание идеи так называемого «здорового милитаризма».

Как писал П. Б. Струве, разрабатывая вопрос о взаимосвязи между уровнем экономического развития страны и ее военного могущества, «эту связь можно сформулировать в положении: чем выше экономическое развитие страны, тем — при прочих равных условиях — выше ее боевая готовность и тем значительнее та сила, которую данная страна может развить при военном столкновении»¹⁰¹. Отмечая, что военные успехи любой страны связаны с множеством других факторов (техническое оснащение армии, «качество солдата», подготовка военачальников, «дух» армии и т. п.), П. Б. Струве считал, что определяющим фактором является все же именно уровень развития народного хозяйства. «Влияние войны на народное хозяйство, — отмечал он, — гораздо меньше, чем влияние того или иного положения народного хозяйства на войну, а точнее на те ресурсы (военные и финансовые), с которыми государство вступает в войну, и тем самым шансы войны»¹⁰².

По мнению кадетов, правильно понятый пацифизм не отрицает «ни наличия спорных интересов нации, ни даже необходимости борьбы за эти интересы. Пацифизм

---

⁹⁸ Общество мира в Москве. Вып. I. 1909–1910 гг. — С. 10.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 227–228.

¹⁰¹ Струве П. Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. — С. 64.

¹⁰² Там же. — С. 65.

лишь стремится к тому, чтобы придать этой борьбе культурные формы». Отсюда та активная борьба, которую развернули правые кадеты с распространением пацифистских идей в русском обществе, отсюда тот милитаристский дух, которым пронизаны их публикации того времени.

В наивысшей степени это нашло отражение в двухтомнике «Великая Россия», в котором были сформулированы задачи форсированного восстановления боевой и экономической мощи России, выдвигались требования коренной перестройки всей системы руководства армией и флотом и оснащения их новейшими видами вооружений¹⁰³. Авторы этого сборника призывали «всеми мерами развивать воинский дух в среде своих подданных, ибо только он один служит гарантией независимого существования государства и надежной охраной его международных интересов»¹⁰⁴. Для подготовки народных масс к войне предлагалось создать Всероссийский патриотический союз, организовать всевозможные военные общества, предусмотреть соответственное воспитание молодежи в семье и школе, а также целенаправленную печатную и устную пропаганду для борьбы с вредными идеями пацифизма¹⁰⁵.

Представляется очевидным, что в сборнике «Великая Россия» была изложена откровенно милитаристская, захватническая программа крупной российской буржуазии, претендовавшей на активное участие в межимпериалистической борьбе за колонии, рынки сбыта, сферы влияния и интересы которой выражала значительная часть кадетской партии.

Кадеты выступали за так называемый либеральный империализм и «здоровый милитаризм». Они были противниками захватнических войн, особенно в Европе, считали политико-географическую карту Российской империи сформированной и полагали необходимым и возможным добиваться удовлетворения национальных интересов государства за счет политико-экономического и духовного проникновения в регионы, представляющие интерес для России и именно на этой невоенной основе закрепления там. Вместе с тем, кадеты (даже те немногие, кто придерживался пацифистских взглядов) исходили из того, что войны как таковой абсолютно избежать невозможно. И если страна не готова к ней сейчас, то это вовсе не означает, что не будет воевать ни при каких обстоятельствах.

Из вышесказанного вытекает, что пацифизм некоторых кадетов был противоречивым и непоследовательным. Действительно, кадетский пацифизм находился в русле правительственной политики временного воздержания от военных акций. Представление о нем дает кадетский сборник «Вооруженный мир и ограничение вооружений». Как видно из содержания, речь шла не об отрицании империалистической политики в принципе, а лишь о поисках ее более гуманных и цивилизованных форм. Наконец, и этот непоследовательный пацифизм носил абстрактный характер и при столкновении с действительностью сразу уступал место трезвому прагматизму. Единомышленники П. Б. Струве в партии кадетов отрицали его вообще и считали великим злом, с которым нужно бороться.

¹⁰³ Великая Россия. М., 1911. Кн. 2. — С. 144–154.

¹⁰⁴ Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. — С. 20.

¹⁰⁵ Там же.

Обратимся теперь к анализу теоретических представлений о мировой политике партии Манифеста 17 октября и посмотрим, есть ли сходства и различия в ее подходах к данной проблеме в сравнении с кадетами.

Сразу следует отметить, что октябристы не проявляли большого интереса к вопросу разработки теоретических аспектов государственной политики в сфере международных отношений. Однако анализируя их действия, представляется возможным с высокой долей точности смоделировать их воззрения по вопросам войны, мира, пацифизма и колониализма.

Особенно ярко эти взгляды раскрылись в отношении октябристов к итало-турецкой войне 1911–1912 гг. Партия Манифеста 17 октября оправдывала итальянскую агрессию в Северной Африке и связывала ее с жизненно важными экономическими интересами, цивилизаторской и культурной ролью.

Октябристы полагали, что пацифизм пригоден лишь к внутриевропейской ситуации. Вместе с тем его нельзя распространять на другие районы мира в силу того, что, как полагали октябристы, внеевропейская цивилизация всегда прокладывает себе путь огнем и мечом. Поэтому «Италию, насильственно отнявшую Триполи у Турции, можно упрекать разве только в том, что она не сделала этого раньше и так долго оставляла этот край в состоянии варварства»¹⁰⁶.

В отличие от кадетов октябристы, очевидно в силу своего социального состава, отдавали предпочтение силовым методам в борьбе за внешние рынки. Аннексия свободных и полусвободных территорий, лежащих у границ России, должна была предшествовать, по их мнению, утверждению на этих территориях «русской национальной культуры». Следовало либо привязать эти территории к России узлами полного доверия и устойчивой дружбы, либо обезвредить посредством дипломатического или военного воздействия, которой имело бы целью или направить их усилия в сторону, для России безразличную, или повести к значительному ослаблению и даже полному уничтожению этих враждебных России сил¹⁰⁷.

Наконец, рассмотрим воззрения на теоретические проблемы международных отношений еще одной либеральной партии — прогрессистской.

Следует подчеркнуть, что с теоретическими воззрениями прогрессистской партии дело обстоит еще сложнее, чем с представлениями октябристов. Причем это касается не только денной проблемы, но и даже вопросов связанных с внутренним развитием страны. Прогрессисты, как известно, не только выражали интересы крупной торгово-промышленной буржуазии, но и состояли в значительной степени из ее представителей. Отсюда налицо определенная бедность теоретических обоснований их действий в сравнении с октябристами и тем более с кадетами.

Представления прогрессистов во многом напоминали кадетские и октябристские. Их идеологи и лидеры, радуя за решительные действия на международной арене, не исключали, в том числе, и военных средств, которые могли, на их взгляд, защитить российскийские национальные интересы и расширить сферы влияния империи.

Подобные воинственные настроения прогрессистов вытекают, очевидно, из их социального состава. Как указывалось выше, они были наиболее последовательными

---

¹⁰⁶ Голос Москвы. 1911 г. 29 октября.

¹⁰⁷ Там же. — С. 260.

выразителями интересов крупной российской буржуазии, проводником ее интересов. Вот почему прогрессистская партия, даже в больше чем октябристская, выступала сторонницей военно-силовых путей в борьбе за сохранение старых рынков и обретение новых.

По мнению лидера прогрессистов А. И. Коновалова, «до тех пор, пока мы не будем экономически настолько крепки, чтобы иметь возможность вести, по крайней мере, в течение года войну, наши шансы будут значительно слабее шансов наших противников. Такова экономическая проблема «Великой России». Самое разрешение этой проблемы может быть результатом параллельного и дружного действия частной инициативы и государственной политики»¹⁰⁸.

Вместе с правыми, кадетами и октябристами прогрессисты пропагандировали необходимость всенародной поддержки армии, боролись с пацифизмом, стремились воспитать у народа «героическое мирозерцание», всеми мерами «развивать воинский дух». Так, например, в предисловии ко второму сборнику «Великая Россия» В. П. Рябушинский отмечал: «Успех пацифизма в России явился бы большим общественным злом и, как это ни звучит парадоксом, ослабляя боевую готовность нашей дины, нанес бы сильный удар делу мира. России нужен сейчас здоровый милитаризм»¹⁰⁹.

При этом прогрессисты считали, что соглашения России с другими странами должны покоиться на стремлении сохранить мир и равновесие сил. В связи с чем, прогрессисты считали необходимым вновь актуализировать вопрос об ограничении роста гонки вооружений на предстоящей третьей конференции мира в 1916 или 1917 г. после провала предыдущих попыток в 1899 и 1907 гг. Гонка вооружений имеет следствием «вынужденное забвение социальных реформ, а растущее обременение населения непосильными тяготами грозит общей катастрофой, гибелью старого социального строя»¹¹⁰.

Анализ общетеоретических воззрений русских либеральных сил на систему международных отношений в начале XX в. позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, очевидно, что наиболее теоретически подкованными среди прочих либеральных течений в России в тот период были кадеты. Их теоретические представления о международных отношениях получили наиболее глубокую проработку, что нашло отражение в трудах идеологов партии и ее лидеров. Кроме того, анализ общетеоретических и программных установок либеральных партий России начала прошлого века демонстрирует, что, несмотря на определенные расхождения как между самими либеральными течениями, так и внутри них, тем не менее, их представления о развитии современных международных отношений являли собой различные прочтения одной и той же политики. А именно империалистической, милитаристской политики, основанной на возможности широкого вмешательства Российской империи в борьбу других великих капиталистических держав за передел мира, территориальную экспансию и новые рынки.

¹⁰⁸ Великая Россия. М., 1910, Ч. 2. С. 153.

¹⁰⁹ Там же. М., 1911. Кн. 2. — С. 5.

¹¹⁰ Россия. Государственная дума. Созыв Четвертый. Фракция прогрессистов. Материалы. Сессия вторая. 1913–1914. Вып. 4. — С. 67.

Вызовы конструктивистской теории международных отношений: политическая философия, эмпирические методы и новые реалии мировой политики

И. Н. Тимофеев

Изменения в теории МО не происходят случайно. Появление новых парадигм и объяснительных схем часто определяется «духом времени», представляя собой рефлексию наиболее значимых проблем мировой политики. Так попытки снижения анархичности международной системы после Первой мировой войны получили отражение в либеральной (идеалистической) теории. Крушение Версальско-Вашингтонской системы привело к ревизии идеализма и прорыву исследований реалистов. Однако уже во второй половине XX в. укрепление международных политических сообществ и институтов, рост экономической взаимозависимости между государствами и волны демократизации, дали новый импульс развитию либерализма.

Очередная «встряска» теории МО произошла после того, как холодная война внезапно закончилась распадом Советского Союза — мощной державы, которая в течение длительного времени успешно парировала давление внешней среды, отвечая не менее серьезными воздействиями на нее. Ни реализм, ни либерализм не смогли предсказать окончание холодной войны и дезинтеграцию СССР¹¹¹. Более того, их ка-

---

¹¹¹ Роберт Кеохейн впоследствии отметил, что «Мы недостаточно понимаем, в какой мере давление со стороны международной среды способствовало распаду Советского Союза, нет у нас и прочных теорий, помогающих предвидеть реакцию на подобные землетрясения изменения в мировой политике. Однако обвинения в том, что теоретикам МО не удалось предсказать развал Советского Союза, ведет к неправильному пониманию возможностей теории в области международных отношений. Окончание холодной войны — очень сложный феномен, истоки его коренятся в социальной, экономической и политической системе Советского Союза; на все это наложился выбор, сделанный М. Горбачевым, выбор, который другой лидер, возможно, не сделал бы». Кеохейн Р.О. Международные отношения: вчера

теории оказались недостаточными для объяснения этих событий даже постфактум. Попыткой восполнения этого пробела стало появление конструктивистского подхода. Публикации конструктивистов вызвали широкую дискуссию, предлагая новый взгляд на факторы поведения государств на международной арене. Однако количество работ явно не переросло в качество. Конструктивизм так и не превратился в полноценную парадигму, способную на равных конкурировать с базовыми теориями МО. Почему? Полагаю, что это связано с тремя причинами.

Первая причина состоит в выборе социологических теорий в качестве междисциплинарного фундамента конструктивизма¹¹². Несомненно, это был оригинальный ход, открывший новые грани международных отношений. Однако конструктивизм не смог опереться на сколько-нибудь значимую философскую традицию, дающую ответы на вопросы о том, какой *должна* быть международная политика. Не имея политико-философской базы, конструктивизм изначально лишился своей уникальной «миссии», которая делала бы обращение к социологии осмысленным и ставила бы его в один ряд с реализмом и либерализмом. В этих теориях объяснение природы международных отношений практически никогда не являлось самоцелью. Скорее, оно служило обоснованием ответов на вопросы *нормативного* характера. Иными словами, конструктивизм сделал сильный ход в поиске новых объяснений, но фактически не предложил нормативных альтернатив, которые могли быть подкреплены этими объяснениями.

Далее, обратившись к социологии, конструктивизм парадоксальным образом не смог в полной мере воспользоваться ее методологическим аппаратом. Наряду с политико-философской аргументацией, значимым фактором развития теорий МО в XX в., стала их эмпирическая проверка посредством формализованных методов. Эти методы были заимствованы преимущественно из социологии и во многом носили количественный характер. Уровень формализации полученных аргументов был достаточно высок, что способствовало строгости теоретических обобщений. Дебаты между реалистами и либералами, равно как и споры внутри этих парадигм, были подкреплены большим числом эмпирических исследований. Конструктивисты, напротив, столкнулись с серьезными трудностями. Оказалось, что базовые независимые переменные (например, политическую идентичность) весьма сложно измерить количественным путем или формализовать в виде моделей. Более адекватными оказались качественные методы. Но они не обеспечивают необходимой строгости аргументации в силу известной широты интерпретации результатов. Конструктивизм пока не смог добиться значимых успехов в формализации своих аргументов.

Наконец, еще одна причина видится в том, что повестка дня, давшая импульс появлению конструктивизма, постепенно видоизменяется или же уходит в прошлое. Его появление было во многом связано с проблематикой окончания холодной войны. Нужно было объяснить, почему Советский Союз отказался от социалистического проекта и выступил с инициативами по разоружению, которые во многом носили односторонний характер. Причем сделал это добровольно, а не в результате военного поражения. Конструктивистов интересовало влияние международных норм на поведение

и сегодня. / Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина и Х. Д. Клингеманна. — М.: Вече, 1999. — С. 439.

¹¹² Речь, в частности, о теории социального интеракционизма, зеркального Я и др.

конкретного государства, а также — внутренние факторы, которые способствуют тому или иному *субъективному* видению государством себя и своих контрагентов. Однако сегодня сами международные нормы становятся все менее четкими. Возрастает роль политики силы и потенциала мощи. Анархия, по всей видимости, вновь становится *объективным* фактором международных отношений, а многие страны обнаруживают себя «вставленными» в новые условия независимо от своих *субъективных* предпочтений. Новые реалии международных отношений представляют собой серьезный вызов для конструктивизма и одновременно — почву для ревизии реализма, имеющего значительно более серьезную политико-философскую и эмпирическую базу.

1

В качестве первой причины затрудняющей превращение конструктивизма в теорию, сопоставимую с реализмом и либерализмом, мы отметили слабый политико-философский фундамент. Бросая свой интеллектуальный вызов, конструктивисты попытались оспорить не столько нормативные постулаты, сколько онтологические основания теорий «мейнстрима», прежде всего — реализма.

Обратимся к базовой работе Александра Вендта 1992 г. Его интересует, почему государства в ряде случаев склонны к проявлению силовой политики по принципу «худшего сценария», предпочитая войну, а не мир. Реализм объясняет это неопределенностью и анархией, являющейся априорной структурной предпосылкой международной политики. Именно это пытается оспорить Вендт. По его мнению, выбор в пользу силовой политики — это результат субъективного восприятия государством внешних угроз, а также идентификации себя и своих контрагентов в качестве друзей или врагов. Эти явления концептуализируются через понятие идентичности — системы знаний, ценностей и опыта, сквозь призму которых государство реагирует на внешние вызовы¹¹³. «Гоббсовский страх», таким образом, является продуктом «сознания» самих государств, а не объективно заданным условием. Каждое государство может по-разному воспринимать анархию и неопределенность. Силовая политика — не запрограммированная реакция, а лишь один из возможных вариантов поведения¹¹⁴.

На конструктивистскую интерпретацию понятия идентичности определяющее влияние оказали социологические теории — особенно социология знания и символический интеракционизм. Социологов интересовало влияние общества и социальной системы на формирование идентичности индивида. Так, например, Питер Бергер и Томас Лукман отмечали, что идентичность представляет собой ключевой элемент субъективной реальности. Она непосредственно определяется социальной структурой и процессами. Но сами идентичности реагируют на данную структуру, поддерживая и трансформируя ее. «Общества обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями»¹¹⁵.

¹¹³ Wendt, Alexander. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. // International Organization, Vol. 46, No 2, Spring 1992. — P. 391–396.

¹¹⁴ Wendt. Op. Cit. — P. 396.

¹¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Academia центр, 1995. — С. 84.

Отношение индивид-общество с определенными оговорками переносится конструктивистами на международную арену, где индивидами выступают государства, а обществом — международная система (и/или международное сообщество). Формирование идентичности объясняется интерсубъективностью государств — по аналогии с обществом индивидов идентичность представляет собой продукт их взаимодействия на международной арене¹¹⁶. Взаимодействующие друг с другом страны могут быть как образцами для подражания, так и «изгоями», с которыми ассоциируется образ врага.

Интерсубъективность предполагает также влияние системы идей, норм и ценностей, принятых международным сообществом. Примером здесь может выступать идея суверенитета. Каждое государство является членом сообщества суверенных государств и признается ими в качестве такового. Признание в качестве суверена существенно влияет на политику в отношении государства. Нарушение признанного суверенитета с гораздо большей вероятностью натолкнется на противодействие международного сообщества в сравнении с интервенцией против государства, не имеющего такового¹¹⁷. Международное сообщество, таким образом, обладает значительным потенциалом влияния на страновые идентичности. Оно может «форматировать» потенциальных агрессоров, снижая вероятность конфликтов. Однако плотность международного сообщества достаточно низка в силу небольшого количества участников, что ограничивает его влияние¹¹⁸. Внутренние факторы формирования идентичности могут оказаться сильнее импульсов извне.

В целом, новизна конструктивизма состояла в смещении акцентов в дихотомиях структура — агент, материальное — идеальное, рациональное — рефлексивное. Если теории «мейнстрима» делают акцент на первых слагаемых этих дихотомий, то конструктивизм фокусируется на вторых. Отправной точкой исследования должно быть конкретное государство — агент с его специфической субъективной системой восприятия мира. Недостаточно иметь представление, скажем, о военном потенциале этого государства и его контрагентов. Важно понять, каким образом они воспринимают наличие этих потенциалов друг у друга — очевидно, что восприятие американского военного потенциала Канадой и Китаем будет существенно отличаться. Наконец, внешняя политика определяется не только рациональным расчетом, но и специфическим пониманием рациональности каждым государством. Сама рациональность может подчиняться принципиально разным критериям.

Таким образом, основной акцент конструктивисты делают на онтологических основах международных отношений, на поиске качественно новых независимых

---

¹¹⁶ Wendt. Op. Cit. — P. 406.

¹¹⁷ Wendt. Op. Cit. — P. 412–415. См. также Ильин М. В. Суверенитет: развитие понятийной категории. // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. / Под ред. М. В. Ильина и И. В. Кудряшовой. — М.: Издательство МГИМО (У) МИД РФ, 2008. — С. 20. Хотя подходы международного сообщества не застрахованы от двойных стандартов, что иллюстрируется в статье Ричарда Херманна и Вуна Шеннона о различии в восприятии международным сообществом и Соединенными Штатами, скажем, вторжения Ирака в Кувейт и Израиля в Южный Ливан. См. Herrmann, Richard; Shannon, Vaughn. Defending International Norms: The Role of Obligation, Material Interest, and Perception in Decision Making. // International Organization, Vol. 55, No 3, Summer 2001. — P. 621–652.

¹¹⁸ Wendt, Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — P. 20–21.

переменных, объясняющих поведение государств, их выбор между сотрудничеством и соперничеством с другими странами.

Нельзя сказать, что нормативная составляющая вообще не представлена в конструктивизме. В политико-философском смысле он пересекается с либерализмом в допущении о том, что интересы и предпочтения государства поддаются трансформации: у либералов — посредством изменения политического режима и включения в международные институты, у конструктивистов — посредством «социализации» государств, изменения системы их восприятия своих контрагентов в качестве друзей или врагов. (Этот тезис выдвигается в противовес положению реализма о том, что интересы государства объективны и неизменны, будучи сфокусированными на выживании посредством максимизации влияния и мощи).

Однако у либералов это допущение опирается на систему представлений о рациональной природе человека — политический и международный порядок может быть рационально организован таким образом, чтобы минимизировать вероятность конфликтов между государствами. У конструктивистов подобное допущение менее очевидно — речь идет о таких категориях как доверие, чувство принадлежности к общему сообществу, то есть о том, что Токвиль называл «привычками сердца». Уход от рациональности в пользу рефлексивности затрудняет определение конструктивистами критериев должного — у каждого государства свои критерии и своя мера. Конечно, государства могут «социализироваться» международными сообществами. Но их ценности также неодинаковы и могут изменяться во времени. Получается, что сами допущения конструктивизма во многом лишают его возможности формулировки нормативного инварианта, сходного с положениями реализма и либерализма.

С одной стороны — в этом преимущество конструктивизма. Он уходит от линейного взгляда на международные отношения, делая шаг в сторону постмодернизма¹¹⁹. Исследовательская повестка становится более раскрепощенной, не будучи тесно привязанной к сколько-нибудь строгой нормативной схеме. С другой стороны, постмодернизм при всей своей привлекательности имеет весьма низкую ценность в качестве познавательного инструмента. Постмодернистский элемент препятствует обобщениям, а значит — формированию «большой теории» как таковой.

2

Дистанцирование от линейного взгляда на международную политику проявляется и в эмпирических исследованиях конструктивистов. Весьма малая их часть выполняется посредством формализованных методов. Операционализация идентичности, доверия и интересубъективности достаточно затруднительна. Тогда как представители теорий «мейнстрима» подобные трудности испытывают в значительно меньшей степени. Политические режимы, экономическая взаимозависимость, членство в международных организациях, военные и экономические потенциалы гораздо проще поддаются операционализации. Накоплено значительное число баз данных,

¹¹⁹ Об этом, в частности пишет Эмануэль Адлер, который констатирует, что конструктивизм занял промежуточное положение между традиционными теориями МО с одной стороны и постмодернизмом, постструктурализмом и критической теорией, с другой. См. Adler, Emanuel. Seizing the Middle Ground: Constructivism and World Politics. // European Journal of International Relations, Vol.3, No 3, 1997. — P. 319–363.

хотя и здесь продолжают дискуссии относительно способности количественных переменных адекватно отразить суть международных процессов.

Вместе с тем, конструктивисты не прекращают попыток формализовать свою аргументацию и выводы. Можно упомянуть ряд интересных работ, в которых конструктивистский подход сопрягался с количественными методами.

Серия оригинальных эмпирических исследований по конструктивистской проблематике была проведена Дэвидом Руссо, который разработал так называемую модель конструирования угрозы. Идентичность выступает основным объяснительным фактором выбора государством реалистической или либеральной перспективы своей внешней политики. Чем в большей степени совпадают идентичности, тем с большей вероятностью взаимодействующие страны будут воспринимать друг друга в качестве друзей, а не врагов. Однако открытыми остаются несколько вопросов. Как определяются «свои» и «чужие»? Какова логика распространения идентичности среди граждан, а также среди государств, являющихся членами международного сообщества? Почему стабильные идентичности приживаются в одних государствах (сообществах) и не приживаются в других?¹²⁰

Руссо проводит комплексное эмпирическое исследование, сочетая несколько методов. Во-первых, это экспериментальное исследование, фиксирующее процесс формирования идентичности на уровне индивидов. Во-вторых, применяется симуляционная модель, формализующая процесс динамики идентичности на уровне государства и международного сообщества. Некоторые из выявленных закономерностей иллюстрируются на примере американо-китайских отношений. Этот кейс-стади разукрупняется на комплекс методик, включая экспертные опросы представителей элиты, анализ потенциалов сторон и др. Примечательным является то, что Руссо удается объединить в одном исследовании индивидуальный, национальный и над-национальный уровни идентичности.

Экспериментальные исследования показали, что чем в большей степени респонденты воспринимают другое государство как непохожее на свою страну, тем в большей степени они склонны рассматривать его в качестве врага. Однако это восприятие легко поддается манипуляциям даже при помощи малых воздействий, таких как газетные статьи, преподносящие другую страну в том или ином свете. Если в статьях, предлагаемых американским респондентам, Китай описывался как страна, быстро идущая к демократии и рынку и все больше разделяющая западные ценности, они проявляли большую склонность к сотрудничеству с ним. Сходные результаты были получены в другом национальном контексте — при проведении экспериментов в Испании¹²¹.

Симуляционные модели выявили факторы, которые способствуют или препятствуют распространению и сохранению идентичности среди членов сообщества. Оказалось, что сложные и многомерные идентичности¹²² труднее поддаются распространению, хотя они обладают большей стабильностью во времени. Простые

---

¹²⁰ Rousseau, David. *Identifying Threats and Threatening Identities. The Social Construction of Realism and Liberalism*. Stanford: Stanford University Press, 2006. — P. 209–212.

¹²¹ Rousseau. *Op. Cit.* — P. 115–117.

¹²² Среди измерений идентичности, которые фиксировались в исследовании, — тип политического режима, экономика, торговые связи, язык, религия, военный потенциал и др.

идентичности легче внедряются, но менее стабильны во времени. Большой устойчивостью обладают идентичности промежуточного типа. Иными словами, стабильная и «популярная» идентичность требует некоего оптимального набора составляющих, не слишком усложняющих, но и не слишком упрощающих оценку. Далее, наличие нескольких сильных лидеров способствует поляризации идентичности внутри общества и тенденции к радикальному восприятию «своего» и «чужого» сообщества. Еще один фактор — существование норм, поощряющих или препятствующих выбору той или иной трактовки. Например, в период холодной войны гражданин США мог сделать выбор в пользу коммунизма, но это не поощрялось сообществом. Модель Руссо показывает, что увеличение стимулов к поощрению определенной трактовки способствует стабильности и однородности идентичности. Отсутствие же таких норм приводит к поляризации оценок. Эти три фактора могут иметь кумулятивный эффект. Сложные и многомерные идентичности при условии наличия сильных лидеров внутри сообщества, а также отсутствия норм, поощряющих или препятствующих тому или иному выбору, способствуют поляризации оценок (и наоборот). Кроме того, модель учитывает консенсус СМИ в отношении оценок и наличие связей между различными кластерами внутри сообщества (регионами государства, членами альянса и т.п.). Соответственно, однородность оценок СМИ, а также высокий уровень взаимосвязи между кластерами внутри сообщества способствуют укреплению общей идентичности (и наоборот)¹²³.

Примечательным является то, что стабильная идентичность, по сути, должна обеспечиваться довольно жесткими методами — целенаправленной подборкой и контролем критериев соотнесения «своих» и «чужих», ограничением числа влиятельных лидеров, принуждением к выбору конкретной оценки, а также направленной медийной работой. (Сам Руссо непосредственно не делает подобных выводов.)

Некоторые исследователи, работающие в русле конструктивизма, рассматривают идентичность на индивидуальном, а не коллективном уровне. Носителем идентичности являются конкретные люди. Изменение индивидуальной идентичности и «социализация» лиц, принимающих решения в конкретной стране, может привести к изменениям ее внешнеполитического вектора. Обращает на себя внимание недавнее исследование Кэрол Аткинсон. В центре ее работы — вопрос о влиянии военного сотрудничества с США на изменение идентичности государств-партнеров. Гипотеза состоит в том, что иностранным офицерам и членам их семей, обучающихся по американским военным программам, прививаются соответствующие демократические ценности. Они получают не только технические навыки, что является непосредственной целью их отправки в США, но также включаются в специфическую мировоззренческую среду. Таким образом, их индивидуальная идентичность за время обучения претерпевает изменения в пользу лояльности американской (и шире — западной) системы ценностей. Возвращаясь домой, они занимают ключевые посты в национальной военной иерархии, в том числе благодаря своим техническим навыкам. Далее они способствуют институциональной трансформации своих режимов, а также изменению национальной внешнеполитической идентичности в сторону большей лояльности

¹²³ Rousseau. Op. Cit. — P. 120–142. См. также Rousseau, David; Veen van der, Maurits. The Emergence of Shared Identity: An Agent-Based Computer Simulation of Idea Diffusion. // Journal of Conflict Resolution, Vol. 49, No 5, October 2005. — P. 696–711.

западным институтам коллективной безопасности. Важную роль в этом процессе играют связи и контакты с американскими коллегами. Идентичность, таким образом, носит не абстрактный характер, а распространяется и изменяется конкретными людьми, имеющими собственные системы ценностей и убеждений: индивидуальный уровень сопрягается с государственным.

Аткинсон проверяет свою гипотезу количественным путем. Идентичность выступает зависимой переменной. Она операционализируется в категориях оппозиции демократия-автократия и измеряется баллами, принятыми в проекте «Polity-IV». Военное сотрудничество выступает независимой переменной — кодифицируются различные уровни вовлечения того или иного государства в военное сотрудничество: стажировки и обучение, военный союз, размещение американских баз на территории страны, продажа вооружений и др. Автора интересуют случаи, когда военное сотрудничество приводило к смене идентичности — от «авторитарной» к «демократической» и наоборот. В целом, выдвинутая гипотеза была подтверждена на данных с 1972 по 2000 гг.: чем более тесным было сотрудничество в военной сфере, тем с большей вероятностью страны меняли свои идентичности. Иными словами, военное сотрудничество выступает не только ресурсом «жесткого влияния», но также и «мягкого влияния», повышая лояльность путем убеждения, а не принуждения. Несмотря на то, что эмпирическая процедура вызывает вопросы (изменения идентичности в авторской трактовке эквивалентны режимным изменениям, что очень спорно), сама постановка вопроса и прикладное использование конструктивистской модели вызывают значительный интерес¹²⁴.

Интерес вызывают также точки соприкосновения конструктивизма с критической теорией. Речь идет о том, что наличие общей идентичности способствует развитая публичная сфера: чем активнее коммуникация между странами, тем больше вероятность того, что их поведение на международной арене не будет носить характер конфронтации. Этот тезис отчасти был предметом исследований Руссо. Он подвергся специальному анализу в работе Дженифер Митсен¹²⁵. Следует также отметить пример исследования, в котором тестируется конструктивистская гипотеза о влиянии опыта взаимодействия государств на выбор в пользу сотрудничества или соперничества. Автором одной из недавних статей на эту тему выстраивается так называемая репутационная модель, которая тестируется количественным путем. Чем хуже «репутация» одной из сторон, тем выше вероятность конфликта. Под «репутацией» понимается число конфликтов между двумя державами в прошлом, совпадение позиций держав и разница их потенциалов. Эти переменные кодифицированы за период с 1817 по 2000 гг. Гипотеза успешно верифицируется¹²⁶.

Конечно, полученные результаты являются, как минимум, дискуссионными и требуют дополнительной эмпирической проверки. Критическая масса эмпирических

---

¹²⁴ Atkinson, Karol. Constructivist Implications of Material Power: Military Engagement and the Socialization of States, 1972–2000. // *International Studies Quarterly*, Vol. 50, 2006. — P. 509–537.

¹²⁵ Mitzen, Jennifer. Reading Habermas in Anarchy: Multilateral Diplomacy and Global Public Spheres. // *American Political Science Review*, Vol. 99, No 3, August 2005. — P. 401–416.

¹²⁶ Crescenzi, Mark. Reputation and Interstate Conflict. // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, No 2, April 2007. — P. 382–396.

исследований конструктивистов пока не сопоставима с исследованиями реалистической и либеральной проблематики. От способности конструктивизма формализовать свои исследования, не потеряв при этом связь с реальными процессами, во многом зависит его дальнейший статус в теории международных отношений.

Следует отметить, что подобные эмпирические исследования имеют также значительный прикладной потенциал. Учитывая то, что идентичность в современных условиях в той или иной степени является предметом конструирования, формализованные модели могут открыть новые возможности для управления «сферой идей» и применения «мягкой силы» в международной политике.

3

Изменение политической повестки дня современных международных отношений — еще один серьезный вызов конструктивизму. Иллюзии о «конце истории», похоже, давно остались в прошлом. После короткой передышки 1990-х гг., военные потенциалы бывших противников в холодной войне — США и России снова стали расти. Так, например, расходы на оборону в США достигли своего минимума в 1998 г., составив, по данным СИПРИ, порядка 328 млрд. долларов. На этот же год приходится пик снижения российских военных расходов — порядка 13,6 млрд. долларов. Но уже к 2005 г. американские расходы составили 504 млрд., а российские — более 28 млрд. В 2007 г. они выросли до 546 и 35 млрд. долларов соответственно. Поступательно растут и военные расходы Китая. В 1989 г. они составляли порядка 12 млрд. долларов. В 1998 г. — более 19 млрд. В 2005 г. — около 44 млрд., а в 2007 — более 58 млрд.¹²⁷.

Если рост Китая предсказывался американскими аналитиками, то внезапный подъем России после 1998 г. во многом оказался неожиданностью. В сценарных разработках таких организаций как Рэнд или Национальный совет по внешней разведке, опубликованных в конце 1990-х — начале 2000-х гг., Россия либо вообще не упоминается в качестве значимой силы, либо рассматривается исключительно в логике failed-state — источника кризисов и катастроф¹²⁸. Одним из следствий неожиданного возвращения России в «большую» международную политику стало обострение диалога с США и их союзниками, во многом воспроизводящее риторику времен холодной войны. Обострились многие вопросы глобальной безопасности, которые в эпоху «нового мышления» США и СССР (Россия) намеревались решать сообща. Среди них — вопросы ограничения ядерных и обычных вооружений, нераспространения ядерного оружия и др. Существенно вырос градус отношений на постсоветском пространстве, де факто переросший в соперничество. Наряду с этим, обостряется ситуация на Ближнем Востоке. Нарастают кризисные явления в мировой экономике. Размываются ключевые международные нормы и принципы. Так, понятие суверенитета подрывается в контексте дезинтеграции ряда многосоставных государств. Существенно девальвировалось понятие демократии, в отношении которого двойные стандарты давно стали обыденным явлением.

¹²⁷ См. архив данных СИПРИ. <http://milexdata.sipri.org/result.php4>

¹²⁸ См. Мельвиль А. Ю., Тимофеев И. Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения. // Полис. 2008. № 4. — С. 67.

Все эти явления существенно повышают неопределенность международной политики — возрастают политические риски или, попросту говоря, — анархия международной системы. Факт нарастающей анархии (который, впрочем, требует отдельного обсуждения и не должен приниматься на веру), в свою очередь, подрывает как либеральные, так и конструктивистские допущения о том, что неопределенность можно эффективно контролировать, а выбор в пользу сотрудничества или соперничества — это выбор самого государства.

В этих условиях, обращение к классическому реализму может быть весьма соблазнительным как для ученых-международников, так и для практиков. Сводя потребности государства к выживанию и наращиванию мощи, реализм позволяет найти почву в условиях размывающихся либеральных норм и принципов. Если кризисные явления в мировой политике нарастают, значит, возможности человеческой рациональности в их нивелировании ограничены. Значит, снова становится актуальным тезис Ганса Моргентау о том, что ступо рациональный социальный инженер должен уступить место настоящему «государственному мужу» (statesman). Который действует не только руководствуясь рациональными схемами, но и политической мудростью, примиряющей человеческую природу и моральные нормы, силу и слабость человека, позволяющую выбрать из всех возможных «зол» наилучшее¹²⁹.

С другой стороны, этот соблазн подкрепляется значительной большей политико-философской фундированностью реализма, его связью, скажем, с консервативными политическими теориями. Реализм имеет наработанные концептуальные схемы в интерпретации природы человека, границ рациональности, сущности государства и международных отношений, власти и влияния, национального интереса и т.п. В условиях размывания либеральных норм, доминировавших после окончания холодной войны, велико искушение консервативного поворота, возвращение к концептуальным корням. Извлечение из библиотечных хранилищ работ классиков реализма, может оказаться более востребованным, нежели дальнейшее развитие конструктивизма, не имеющего сопоставимой интеллектуальной традиции и корней.

Здесь важно отметить, что несмотря на рост интереса к либеральной и конструктивистской проблематике в 1990-х гг., реалистическая повестка остается весьма влиятельной в эмпирических исследованиях. Среди современных исследований можно отметить следующие работы. Прежде всего, это эмпирическая верификация модели Джона Васкеса о логике взаимодействия государств, приводящего к войне (англ. steps-to-war model). Васкес делал акцент на таких переменных, как территориальные споры, прошлые конфликты, соотношение потенциалов, а также структура межгосударственных альянсов. В своих недавних эмпирических исследованиях (2005 и 2007 гг.) Майкл Колареси и Уильям Томпсон показали, что территориальные споры способствуют эскалации конфликтов. Не меньшую роль играет и история конфликтов. Чем чаще государства сталкивались в прошлом, тем больше вероятность их военного столкновения в будущем. Членство в альянсах повышает вероятность конфликта в том случае, если баланс сил между ними не является равномерным. Сбалансированные альянсы, наоборот, снижают вероятность конфликта. Еще один интересный результат — влияние взаимного наращивания вооружений на вероятность

---

¹²⁹ Morgenthau H.J. Scientific Man vs. Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1946.

конфликта аналогично влиянию асимметрии соперничающих альянсов государств, имеющих больше двух прецедентов взаимных конфликтов в прошлом¹³⁰.

Не меньший интерес представляют собой исследования влияния имеющегося потенциала на принятие решений. Так, Бенджамин Голдсмит в количественном исследовании данных за 1886–1989 гг. верифицировал тезис о том, что если государство имеет свободные материальные средства, оно с большой вероятностью начнет наращивание своего военного потенциала. Иными словами, экономический рост или большой уровень богатства способствуют вооружению со всеми вытекающими последствиями для баланса сил. Это явление свойственно как автократиям, так и демократиям, хотя вторые в основном склонны к меньшим долям военных расходов в своих бюджетах¹³¹.

Следует также упомянуть исследование Бенджамина Фордама, который на примере США эмпирически доказал, что чем большим потенциалом обладает государство, тем более вероятен соблазн использования силы для давления на другие государства. Военное превосходство — важная предпосылка агрессивного поведения и, несомненно, дает существенные козыри «ястребам» при принятии решений. Однако в последнее время эта закономерность несколько видоизменяется. Развитые государства со значительными военными потенциалами все в большей степени делают ставку на относительно немногочисленные контрактные армии, оснащенные дорогими вооружениями. Отсутствие же большого количества войск физически ограничивает маневр для агрессивного поведения — малочисленная, хотя и оснащенная армия не может быть эффективно задействована сразу на нескольких театрах военных действий¹³².

Конечно, приведенные примеры не означают того, что реалистическая повестка уже стала доминирующей в эмпирических исследованиях и теоретическом дискурсе. Однако они показывают потенциал реализма в рефлексии реалий международной политики, который вполне может быть востребован в случае реализации «худшего сценария» глобального развития.

* * *

Вопрос о вызовах конструктивизму не следует воспринимать исключительно как интеллектуальное упражнение. Состояние теории — важный индикатор практической политики. Связь между ними обоюдна. Расшифровав изменения в системе знания, мы можем получить представления о возможной динамике реальных политических процессов. В случае с конструктивизмом, кризис или стагнация в развитии его объяснительной схемы может означать, что повестка дня, вызвавшая ее к жизни, исчерпана. Пребывание конструктивизма в статусе подхода, а не полноценной парадигмы,

¹³⁰ Colaresi, Michael; Thompson, William. Alliances, Arms Buildups and Recurrent Conflicts: Testing a Step-to-War model. // *The Journal of Politics*, Vol. 67, No 2, May 2005. См. также Colaresi, Michael; Rasler, Karen; Thompson, William. *Strategic Rivalries in World Politics. Position, Space and Conflict Escalation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

¹³¹ Goldsmith, Benjamin. Bearing the Defense Burden, 1886–1989: Why Spend More? // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 47, No 5, October 2003. — P. 551–570.

¹³² Fordham, Benjamin. A Very Sharp Sword: The Influence of Military Capabilities on American Decisions to Use Force. // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 48, No 5, October 2004. — P. 632–654.

может свидетельствовать о том, что мир уже не живет проблематикой распада СССР и торжества международного сообщества. Это качественно новый мир, который может потребовать как новых теорий, так и возвращения к интеллектуальным корням.

Библиография:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Academia центр, 1995.
2. Ильин М. В. Суверенитет: развитие понятийной категории. // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. / Под ред. М. В. Ильина и И. В. Кудряшовой. — М.: Издательство МГИМО (У) МИД РФ, 2008.
3. Кеохейн Р. О. Международные отношения: вчера и сегодня. / Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина и Х. Д. Клингеманна. — М.: Вече, 1999.
4. Мельвиль А. Ю., Тимофеев И. Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения. // Полис. 2008. № 4.
5. Adler, Emanuel. Seizing the Middle Ground: Constructivism and World Politics. // *European Journal of International Relations*, Vol.3, No 3, 1997.
6. Atkinson, Karol. Constructivist Implications of Material Power: Military Engagement and the Socialization of States, 1972–2000. // *International Studies Quarterly*, Vol. 50, 2006.
7. Colaresi, Michael; Rasler, Karen; Thompson, William. *Strategic Rivalries in World Politics. Position, Space and Conflict Escalation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
8. Colaresi, Michael; Thompson, William. Alliances, Arms Buildups and Recurrent Conflicts: Testing a Step-to-War model. // *The Journal of Politics*, Vol. 67, No 2, May 2005.
9. Crescenzi, Mark. Reputation and Interstate Conflict. // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, No 2, April 2007.
10. Fordham, Benjamin. A Very Sharp Sword: The Influence of Military Capabilities on American Decisions to Use Force. // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 48, No 5, October 2004.
11. Goldsmith, Benjamin. Bearing the Defense Burden, 1886–1989: Why Spend More? // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 47, No 5, October 2003.
12. Herrmann, Richard; Shannon, Vaughn. Defending International Norms: The Role of Obligation, Material Interest, and Perception in Decision Making. // *International Organization*, Vol. 55, No 3, Summer 2001.
13. Mitzen, Jennifer. Reading Habermas in Anarchy: Multilateral Diplomacy and Global Public Spheres. // *American Political Science Review*, Vol. 99, No 3, August 2005.
14. Morgenthau H. J. *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1946.
15. Rousseau, David. *Identifying Threats and Threatening Identities. The Social Construction of Realism and Liberalism*. Stanford: Stanford University Press, 2006.
16. Rousseau, David; Veen van der, Maurits. The Emergence of Shared Identity: An Agent-Based Computer Simulation of Idea Diffusion. // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 49, No 5, October 2005.
17. Wendt, Alexander. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. // *International Organization*, Vol. 46, No 2, Spring 1992.
18. Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Об авторах

Алексеева Татьяна Александровна — Заведующая кафедрой политической теории МГИМО (У) МИД России, профессор, доктор философских наук

Бараш Раиса Эдуардовна — младший научный сотрудник Отдела социально-экономических исследований Института социологии РАН

Григорьева Наталья Евгеньевна — Аспирантка кафедры международных отношений факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Демидов Павел Андреевич — Начальник отдела научных проектов МГИМО (У) МИД России

Закирова Лилия Искандеровна — аспирантка факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Козко Анатолий Андреевич — аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России

Колобова Светлана Анатольевна — доцент кафедры регионоведения Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского

Курылев Константин Петрович — кандидат исторических наук Российского университета дружбы народов

Тимофеев Иван Николаевич — Директор Центра аналитического мониторинга Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, доцент кафедры политической теории МГИМО (У), кандидат политических наук